

М. И. ШАПИР

**ФЕНОМЕН БАТЕНЬКОВА  
И ПРОБЛЕМА МИСТИФИКАЦИИ  
(Лингвостиховедческий аспект. 3—5) <sup>1</sup>**

Один мой приятель — бла-го-роднейшее лицо —  
написал одну басню Крылова...

*Ф. Достоевский*

**3. Стих и язык**

**3.1.** Как известно, язык разных писателей, помимо словаря, отличается своей грамматикой (Гаспаров 1984, 170—173; 1998, 168), и отличие это порой приобретает большой размах (так, по моим подсчетам, *verba finita* в мандельштамовском «Камне» составляют 10,9% слов, а в книге А. Белого «Пепел» их частотность в полтора раза выше — 16,5%). В стихе, однако, индивидуальные склонности поэта в известной степени «гасятся» общими грамматическими характеристиками конкретной поэтической формы: не только каждый стихотворный размер, но и каждая ритмическая вариация имеет особую грамматику, зависящую от расположения ударений, от места словоразделов, от типа окончания, от наличия или отсутствия рифмы (Гаспаров 1998; Скулачева 1998). Это связано с тем, что разные грамматические категории обладают специфической ритмической структурой: прилагательные и глаголы длиннее, наречия и местоимения короче; у прилагательных чаще бывает ударное начало и длинный безударный конец, в глаголах, наоборот, ударение чаще сдвинуто к концу, и т. д. (Гаспаров 1984, 172—174; Скулачева 1996б).

Всё это означает, что тождественные или близкие пропорции, образуемые разными частями речи в произведениях одного и того же размера, не могут служить надежным свидетельством их принадлежности общему автору. Но и различия в употребительности грамматических категорий вовсе не обязательно говорят о том, что произведения были созданы разными людьми. В поэзии на количество слов данной части речи может влиять множество факторов, например тема, жанр или литературное направление. У Пушкина в романтической лирике (1821—1824) и в первой части «Кавказского пленника» глаголов и прилагательных поровну, а в «Песнях западных славян» и в сказках («О

царе Салтане» и «О золотом петушке») число прилагательных втрое уступает числу глаголов<sup>2</sup>. Такова же (1:3) пропорция этих частей речи в заключительной, сюжетной части «Домика в Коломне», тогда как в начальной, внесюжетной ее части они относятся друг к другу как 1:1,7 (Гаспаров 1998, 168—169). У раннего Ломоносова в одах лета 1741 г. на каждые два прилагательных в среднем приходится по три глагола; вместе с тем в одах, написанных в 1745 и в ноябре 1746 г., обе эти части речи используются с одинаковой интенсивностью — с 1741 по 1745 г. разрыв между всеми именами и глаголами у Ломоносова увеличился почти на 9% (см. Шапир 1999). Эти стилистические изменения нельзя списать лишь на резкое сокращение доли полноударных строк (Шапир 1996): распространение пирихийев в равной мере благоприятствовало экспансии прилагательных и глаголов, но если прилагательных действительно стало больше, то число глаголов у Ломоносова уменьшилось<sup>3</sup>.

Вот фон, на котором надо воспринимать все дальнейшие наши рассуждения о сходстве и различии в распределении частей речи в подлинных и сомнительных произведениях Батенькова (см. табл. 1 и 2). Если в каждой из двух групп текстов выделить стихотворения, написанные 4-стопным ямбом, то окажется, что в них пропорции разных грамматических категорий в общих чертах совпадают: первое место по употребительности занимают существительные, за ними следуют личные формы глаголов, местоимения, прилагательные и наречия. Далее начинаются расхождения: у Батенькова больше инфинитивов, у Псевдо-Батенькова больше причастий; на последнем месте у Батенькова стоят компаративы, у Псевдо-Батенькова — числительные. Совпадают также пропорции, образуемые словами служебных частей речи, которые в порядке убывания располагаются так: предлоги — союзы — частицы — междометия. Еще чувствительнее сходство частеречевого наполнения в аутентичных и неаутентичных строках I формы: здесь и у Батенькова, и в *dubia* на вторые роли выходит местоимение. Но сходство это, как уже было отмечено, имеет, возможно, ритмическую природу, также как несходство морфологического репертуара в подлинных и сомнительных произведениях Батенькова, относящихся к прочим размерам (см. табл. 1 и 2).

Отчасти это подтверждается разной встречаемостью частей речи в 4-стопных ямбах Батенькова и в других его стихах, авторство которых вроде бы сомнению не подлежит. Чтобы оценить степень несходства в употребительности грамматических категорий, я предлагаю определять

среднее расхождение частот по 12 классам слов<sup>4</sup>. Между подлинными и сомнительными строками I формы это расхождение составляет 0,5% (максимально по своей употребительности отличаются прилагательные — на 1,6%). Более резким оказывается расхождение между всем корпусом 4-стопных ямбов у Батенькова и его литературного двойника — в среднем порядка 1% (максимум тоже приходится на прилагательные: разность частот — 2,5%). Но и это намного меньше, чем расхождение между четырехстопниками Батенькова и прочими его стихотворными произведениями: в среднем — около 2%, максимум — 9% (по существительным), разница в употребительности прилагательных и личных глаголов также довольно велика (соответственно 2,5% и 1,7%).

Для того чтобы понять, что такое среднее расхождение в 1%, имеет смысл сравнить эту величину с аналогичным показателем по одам Ломоносова, написанным в разные периоды (Шапир 1999). Расхождение в употребительности 12 грамматических классов у раннего и позднего Ломоносова (то есть в произведениях 1741-го и 1752—1763 гг.) в среднем составляет 1,6% (максимум по существительным — 4,3%). Но после того как ритмический стиль Ломоносова стабилизировался, динамика частей речи по периодам становится у него едва заметной: среднее расхождение между одами, появившимися с декабря 1746 г. по 1751-й и с 1752 г. по 1763-й, должно быть признано мизерным — 0,4% (максимум снова падает на существительные — 1,1%). Две группы текстов одного размера, отличающиеся по употребительности частей речи в среднем на 1%, безусловно, могут принадлежать двум разным поэтам: так, среднее расхождение между поздними одами Ломоносова и 4-стопными ямбами Батенькова равно как раз 1%, а среднее расхождение между теми же произведениями Ломоносова и 4-стопными ямбами Псевдо-Батенькова еще меньше — 0,7%.

О том, что Батеньков, вполне вероятно, не был автором стихотворений, которые приписал ему Илюшин, свидетельствует и регулярный характер отклонений от батеньковской модели соотношения между частями речи. Самая яркая особенность поэтического стиля Псевдо-Батенькова, проходящая через все его метры и ритмы, заключается в повышенной роли эпитета. В подлинных 4-стопных ямбах суммарный объем прилагательных и причастий — 10,7%, в сомнительных — 14,2% (при этом рост удельного веса названных грамматических форм наблюдается у Псевдо-Батенькова в каждой из ритмических вариаций). За пределами 4-стопного ямба различие еще более разительное: в авторитет-

ных произведениях всех прочих размеров прилагательные (вместе с причастиями) охватывают 8,9% слов, в неавторитетных — почти в два раза больше: 16,5%.

Если прилагательных у подлинного Батенькова мало, то глаголов и наречий — сравнительно много: в его собственных четырехстопниках прилагательные относятся к глаголам как 1:1,6, в приписываемых — почти как 1:1 (кроме того, Псевдо-Батеньков отличается пониженным содержанием существительных и предлогов и повышенным содержанием частиц). Небольшой процент глаголов в произведениях, чья достоверность остается пока под вопросом, может быть поставлен в связь с признанием Илюшина в антипатии, испытываемой к этой части речи: «<...> существительные люблю больше, чем глаголы <...> за существительными часто (хотя и не всегда) стоят осязаемые предметы материального мира, а глаголы ведут нас в область идеального, область отвлеченностей — не предметов, а отношений между предметами» (1997, 63). О своем пристрастии к прилагательным Илюшин ничего не сообщает, однако мало что способно так «заземлить» предмет, как иной эпитет, что подтверждают как раз стихи Псевдо-Батенькова, у которого «нерукотворный памятник» превращается в «литой монумент»:

Себе я не воздвиг литого монумента,  
Который бы затмил великость пирамид;  
Неясный облик мой изустная легенда  
В народной памяти едва ли сохранит.

<...>

Узнают обо мне в России необъятной  
Лишь те безумцы, чей мне сродствен странный дух.  
Ни славой, ни молвой стоустой и превратной  
Не отзовется вдруг прошелестевший слух.

*«Non exegi monumentum»<sup>5</sup>*

О роли эпитетов в этом стихотворении можно судить уже по месту, которое в нем занимают прилагательные и причастия: их здесь 18%, то есть без малого пятая часть всех слов. В одах Державина и Пушкина, послуживших для автора образцом, соответствующий показатель скромнее: в державинском «Памятнике» он равен 11,5%, в пушкинском — 14,5%. Соотношение прилагательных и глаголов у Державина — 1:1,6, у Пушкина — 1:1,1, у Псевдо-Батенькова — 1:0,7. В такой пропорции эти части речи в бесспорно батеньковских произведениях не встречаются. И тем не менее прежде чем заключить, что «*Non exegi monumentum*» — подделка, следует еще раз вспомнить, как изменились пропорции прилагательных и глаголов у зрелого Ломоносова по

сравнению с ранним: в 1741 г. — 1 : 1,5, в 1745—1746 гг. — 1 : 1. Может быть, Батеньков эволюционировал в том же самом направлении?

3.2. Ничуть не меньше, чем морфология, от параметров стиха зависит синтаксис. Форманты метра и ритма сказываются не только на строении строки, но и на межстрочных связях: в частности, чем ниже ударность стихов, тем теснее они, как правило, бывают связаны между собой (Шапир 1999; ср. Гаспаров, Скулачева 1993, 29—34). Но и тут всё-таки остается простор для авторской индивидуальности. Выявить ее помогают средние коэффициенты синтаксической связности строк ( $\bar{S}$ ) в подлинных и сомнительных 4-стопных ямбах (прочие размеры, каждый из которых представлен одним коротким текстом, на предмет взаимодействия ритма и синтаксиса по понятным причинам не изучались)<sup>6</sup>. Сопоставление полученных результатов между собой (см. табл. 3—6) и с данными по Ломоносову, Сумарокову и Державину (см. Шапир 1999; а также табл. 7 и 8<sup>7</sup>) показывает, что стихи Батенькова и Псевдо-Батенькова выделяются среди других слабостью межстрочных связей: коэффициент  $\bar{S}$  в подлинных произведениях Батенькова равен 13,5; в *dubia* — 12,8; в одах Ломоносова (1745—1763) — 18,2; в одах Сумарокова (1755—1770) — 13,9; в одах Державина (1780—1803) — 15,0.

Это, впрочем, еще не дает дополнительных оснований для идентификации поэтической манеры Батенькова и автора подозрительных стихов: слишком уж неоднородны собственные стихи Батенькова по характеру межстрочных связей. В «Тюремной песни», например, несколько выше нормы доля связей средней силы (с 8-й по 13-ю) — 26%; в «Одичалом», напротив, этих связей крайне мало — всего 10%. Своеобразие «Одичалому» придает чередование кусков, состоящих из синтаксически самостоятельных строк, с кусками, в которых соседние строки связываются теснейшим образом:

Теперь «прости» всему на вѣкъ!	1
Зачѣмъ живу безъ наслаждений?	1
Ужель еще я человекъ?	1
Нѣтъ!... да! — для чувства лишь мученій!	1
Во мнѣ ли оттискъ божества?	1
Я ль создан міра господиномъ?	1
Создатель — благъ. Ужель ихъ два?	1
Могу ль Его назваться сыномъ?...	1
Шмели покоятся въ дуплѣ,	3
Червякъ въ пыли по волѣ гнется —	4
И имъ не тѣсно на землѣ:	3
Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,	3

Имѣ — все! А мнѣ едва во снѣ	(15 + 16 + 16) × 2
Живая кажется природа...	1
Ищу въ безчувственной стѣнѣ	17 × 2
Отзывъ подобнаго мнѣ рода.	1

(Батеньков 1862, 53—54)

Особенно часто сверхтесные связи сопутствуют мужским стихам, графически поделенным надвое и скрепленным внутренней рифмой:

Тамъ сѣрый свѣтъ,	
Пространства нѣтъ —	4
И время медленно ступаетъ...	1
Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ...	1
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ...	2
И тамъ уму	
Въ тюремѣ тюрему	(15 + 16 + 17) × 2
Еще придумалось устроить...	1
Легко ему	
Во мракѣ — тьму,	(12 + 15 + 16 + 16 + 17) × 2
Въ тѣснинѣ — тѣсоту удвоить!	1

(Батеньков 1862, 54)

Было бы неправильно объяснять различия в синтаксисе межстрочных связей тем, что «Тюремная песнь» имеет строфическую форму, в то время как «Одичалый» написан астрофическим стихом. В «Тюремной песни» средний коэффициент синтаксической связности равен 11,6, в «Одичалом» — 14,0, а в «Таинствах», где схема строфы та же, что в «Тюремной песни», величина  $\bar{S}$  поднимается до 19,2. Тесная спаянность строк обусловлена не только сильными связями, но и двойными: в «Таинствах» они составляют 56,5%, в «Одичалом» — 35,5%, а в «Тюремной песни» и того меньше — 30%. Обилие двойных связей в «Таинствах» вызывается таким построением периодов, при котором увеличивается число стихов, требующих продолжения фразы (например, 5 из 9 строф этой философской оды начинаются с придаточного предложения):

Чтобъ въ небѣ съ красотой носиться<,>	8 × 2
Съ собою вознося дѣла,	13 × 2
И за завѣсой причаститься	16 × 2
Познанія добра и зла<,>	7 × 2
Надежить всю хаоса чашу<,>	(15 + 17) × 2
Глотая всѣхъ желаній сажу<,>	8 × 2
Испить чрезъ оцѣть небытія.	1
Тогда пространства сотворенье	13 × 2
И слова перваго явленье	17 × 2
Вънцомъ твое украсить я <sup>8</sup> .	1

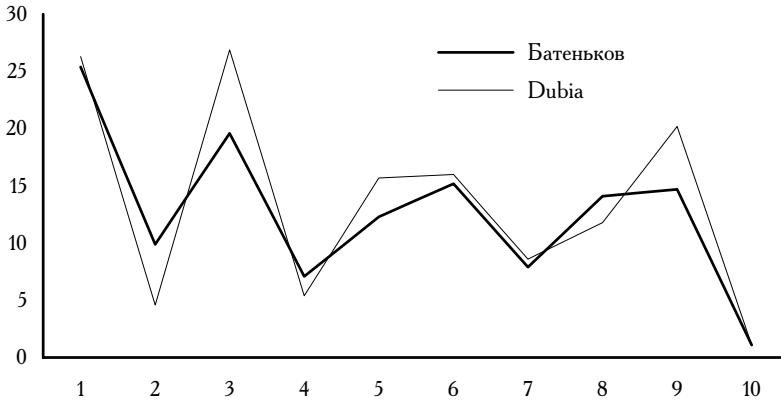


Рис. 1. Синтаксический профиль строфы *AbAbCCdCCd* в подлинных и сомнительных произведениях Батенькова

Обратимся теперь к синтаксической структуре строфы. Единственная форма, встречаемость которой позволяет это сделать, — одическое десятистишие со схемой рифмовки *AbAbCCdEEd*. Средний коэффициент связности низок: у Батенькова — 13,1, у Псевдо-Батенькова — 13,9. Качественных различий в устройстве строфы немного. В сомнительных стихах короче периоды, на границах строк в полтора раза реже возникают копулятивные связи (между однородными членами предложения) и в полтора раза чаще — предикативные связи (между подлежащим и сказуемым). Есть также видимые отличия в распределении этих связей в строфе (привожу лишь некоторые примеры). У Батенькова конец 2-го стиха завершается точкой в 22,5% случаев, у Псевдо-Батенькова — в 59%. У Батенькова союзная связь между однородными членами чаще всего скрепляет 3-ю строку с 4-й — в 17,5% случаев; у Псевдо-Батенькова в указанном месте эта связь не зафиксирована ни разу. В обеих группах текстов максимум предикативных связей приходится на начало строфы, но если у Батенькова подлежащее со сказуемым разнесены между 1-й и 2-й строкой примерно в 10% случаев, то у кандидата в Батеньковы — в 30%, и т. д.

Кардинальным образом в сравниваемых текстах отличается синтаксический профиль десятистишия (см. рис. 1). Классический ритм чередования межстрочных связей был выработан Ломоносовым: сильная связь — слабая — сильная — слабая — средняя — сильная — слабая — средняя — сильная — слабая. Внутри строфы к синтаксической самостоятельности стремятся четверостишие и шестистишие, трехстишия со-

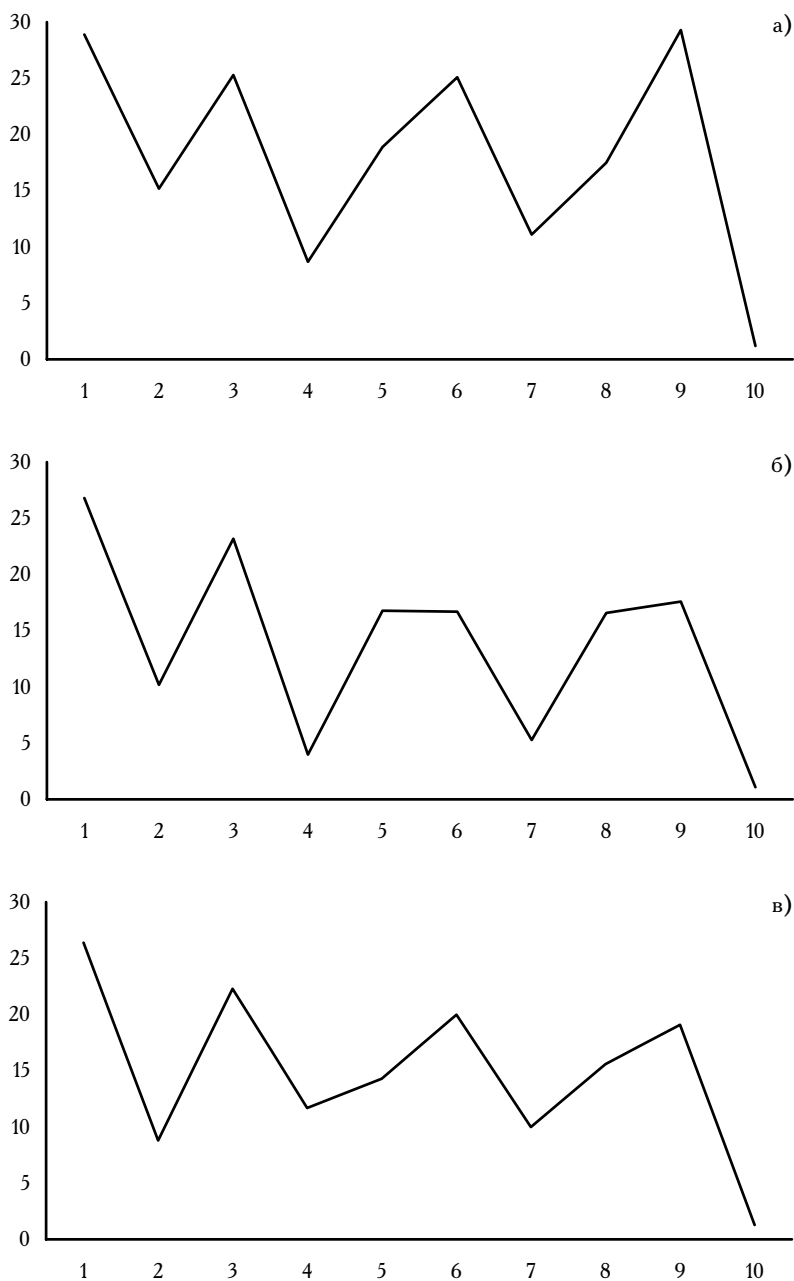


Рис. 2. Синтаксический профиль строфы  $AbAbCCdCCd$  в произведениях а) Ломоносова, б) Сумарокова и в) Державина



единяются теснее, а связь между двустигмией первого катрена вполне сравнима со средним коэффициентом связности. Наиболее прочные связи — первая и последняя; они обрамляют межстрофную границу, по большей части совпадающую с границей между отдельными предложениями (см. Шапир 1999, а также табл. 7 и рис. 2а). Отступления от этой схемы у Батенькова незначительны. Иерархия и место слабых связей остаются в неприкосновенности; отличие заключается только в выравнивании связей в трехстишии. В результате одическая строфа приобретает такую структуру: сильная связь — слабая — сильная — слабая — средняя — средняя — слабая — средняя — средняя — слабая. Такой же синтаксический ритм был обнаружен в одах Сумарокова (см. табл. 8 и рис. 2б).

Хотя у Псевдо-Батенькова межстрочные связи выравнены лишь в первом из трехстиший, отличия от ломоносовской модели в его стихах представляются более существенными. Во-первых, в *dubia* нарушена иерархия слабых связей: наиболее независимым в синтаксическом отношении показывает себя не четверостишие, а начальное двустигмие, так же как в одах Державина (см. табл. 9 и рис. 2в). Во-вторых, в *dubia* нарушена иерархия сильных связей: теснее всего соединяются не две первых и две последних строки в строфе, а строки в каждом из двустигмий катрена, и это тоже сближает синтаксический рисунок строфы у Псевдо-Батенькова с сумароковским и державинским. Но есть и еще одно отличие сомнительных стихов от несомненно батеньковских: при столь же низкой величине  $\bar{S}$ , как в оригинале, синтаксическая кривая в недостоверных текстах круче. Относительно среднего коэффициента межстрочной связности самые сильные связи становятся еще сильнее, самые слабые — еще слабее. По сравнению с подлинным Батеньковым синтаксический ритм в тестируемых стихах производит впечатление утрированности, присущей подражаниям и стилизациям. Она выражается в росте среднего отклонения  $\sigma$  от коэффициента связности  $\bar{S}$ : у Батенькова оно составляет 5,1 пункта, у Псевдо-Батенькова — 7,4 (столько же, сколько у Ломоносова, у которого при этом в полтора раза выше средний уровень синтаксической связности — 18,2 против 13,9 в *dubia* <sup>9)</sup>).

**3.3.** От синтаксического строения строфы я перехожу к синтаксическому строению строки. Так как оно неотделимо от ее ритмического строения (см. Гаспаров 1981; 1994, 29—30; Скулачева 1989; 1996а, 19—21; Гаспаров, Скулачева 1993, 34—43; и др.), синтаксис каждой формы 4-стопного ямба нужно исследовать отдельно. Основной объ-

ект изучения — межсловные связи, а точнее связи между иктами: если первый икт связан со вторым (1—2), второй — с третьим (2—3) и т. д., эти связи именуется контактными, если первый икт связан с третьим (1—3), второй — с четвертым (2—4) и т. д., эти связи именуется дистанционными (например, в стихе *Мое же тело тля и яд* все четыре связи — контактные, а в стихе *Явися нежный вновь Орфей* все четыре связи — дистанционные)<sup>10</sup>. Сила межсловных связей квалифицируется по той же шкале, что и сила связей межстрочных (с оговоркой, что внутри стиха все связи интерпретируются как простые). В дальнейшем для каждого вида связи (1—2, 1—3, 1—4 и т. д.) устанавливается ее удельный вес и средний коэффициент межсловной связности  $\bar{s}$  (см. табл. 10—15)<sup>11</sup>.

Подлинные и сомнительные строки, как это можно было предугадать, подчиняются общим закономерностям. Всюду слова в стихе связаны теснее, чем стихи в строфе: в разных формах 4-стопного ямба количество сильных межсловных связей колеблется от 70 до 90% (а количество сильных межстрочных связей не выходит за пределы 25—30%). У Батенькова и Псевдо-Батенькова внутрострочные связи имеют примерно одинаковую силу ( $\bar{s} \approx 15$ ). Контактных связей больше, чем дистанционных: в полноударных стихах — в 2—2,5 раза, в трехударных — почти втрое. В конце стиха слова сцеплены прочнее, чем в начале. Это проявляется в том, что связей, в которых участвует первое слово, на 5—10% меньше, чем связей с участием последнего слова, а также в том, что к концу стиха повышается доля наиболее сильных связей: управления и согласования. Сверх того, все 4-ударные строки, вне зависимости от их происхождения, тяготеют к синтаксическому членению на полустипхи: самая слабая связь в I форме обычно проходит между вторым и третьим иктом ( $\bar{s}_{2-3}$ ).

Однако все эти признаки свойственны не только стихам, которые так или иначе освящены именем Батенькова: с равным успехом их можно констатировать и в силлабо-тонике Пушкина, и в тонике Маяковского, и даже в верлибре М. Кузмина (см. Гаспаров 1981; Гаспаров, Скулачева 1993, 34—43). В то же время различия между Батеньковым и его возможным соавтором складываются в некую систему. С одной стороны, специфика межсловных связей в *dubia* оказывается во многом уже знакомой нам по анализу связей межстрочных (см. § 3.2). В недостоверных стихах в каждой из ритмических форм доля слабых связей побольше, так что предложения в *dubia* на самом деле короче, чем у Батенькова. В 3- и 4-ударных строках, впервые опубликованных

Илюшиным, реже попадают и по-другому распределяются связи между однородными членами: в подлинных полноударных формах они тяготеют к началу стиха (*В гранит и медь душа вошла; Судит и рядит полной лаской*), в сомнительных — к середине (*Презрев и плен, и мрак унылой; Ее месить и мять перстами*). Во всех без изъятия ритмических вариантах у Псевдо-Батенькова чаще встречается согласование и реже — управление в переходных конструкциях (это качество его синтаксиса запрограммировано соотношением прилагательных и глаголов; см. § 3.1).

С другой стороны, отдельные особенности синтаксиса в стихах настоящего Батенькова, по всей вероятности, могут быть осознаны как архаические. Строго говоря, фундамент, на котором покоятся эволюционные гипотезы, пока еще крайне шаток, но то небольшое, что мы знаем о предмете, заставляет нас отнести Псевдо-Батенькова к типологически более позднему этапу эволюции стихотворного синтаксиса. Опираясь на синтаксический анализ произведений Ломоносова, Пушкина и Маяковского, М. Л. Гаспаров пришел к заключению, что «межсловных дистанционных связей и в <прозаических> колоннах, и в стихах с течением времени становится все меньше <...> причем главный спад относится ко времени между Ломоносовым и Пушкиным» (1981, 165)<sup>12</sup>. Знаменательно поэтому, что у Батенькова в аутентичных 4-стопных ямбах удельный вес дистанционных связей чуть больше, чем в *dubia*: в полноударных стихах — на 4%, а в стихах с пропуском метрического ударения — на 1%. Далее, двухчастная организация 4-словных строк, создаваемая ослаблением синтаксических связей в середине стиха, у Ломоносова выражена не так четко, как у Пушкина и Маяковского (Гаспаров 1981, 164—165). У подлинного Батенькова срединная связь в 4-ударной строке ( $\bar{s}_{2-3}$ ) тоже ослаблена не столь решительно, как у Псевдо-Батенькова: в аутентичных стихах самая сильная связь ( $\bar{s}_{3-4}$ ) превосходит ее на 2,4 пункта, а в *dubia* — на 4,4 (см. рис. 3). Наконец, некоторая асимметрия между началом и концом стиха, состоящая в усилении последней связи по сравнению с первой, у Ломоносова опять-таки прослеживается менее отчетливо, чем у Пушкина и Маяковского (Гаспаров 1981, 164—167). Параллель этому мы находим в неполноударных формах Псевдо-Батенькова: последняя, наиболее сильная связь у него еще сильнее, а первая, несколько ослабленная, — гораздо слабее, и это значит, что на материале внутрисклонового синтаксиса мы сталкиваемся с такой же утрированностью стиля, что и на материале синтаксиса межстрочного.

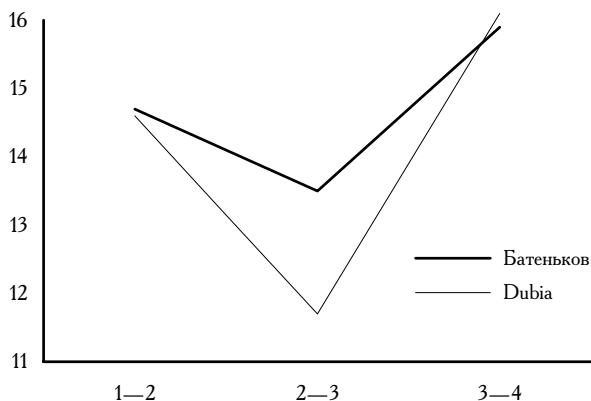


Рис. 3. Синтаксический профиль полноударных 4-стопных ямбов в подлинных и сомнительных произведениях Батенькова

По-видимому, грамматическая конструкция стиха в 4-стопном ямбе Батенькова устроена архаичнее, чем в *dubia*. Но преподносить это как доказательство неподлинности стихов, приписываемых Батенькову, было бы непростительной натяжкой. Большую часть недостоверных произведений поэт-декабрист, по версии Илюшина, сочинил уже на закате жизни, в 1850—1860-е годы, а потому синтаксическое устройство строки в этих стихах самую «природою вещей» обречено удаляться от канонов, завещанных XVIII столетием.

**3.4.** Срачивание ритма с грамматикой и лексикой приводит к возникновению формул и клише. Механизм их образования, занимавший еще С. П. Боброва (1922) и О. М. Брика (1927, № 4: 28—29; № 5: 33—37; № 6: 34 и др.), был не так давно раскрыт в работах Гаспарова (1984; 1986). Незначительно модифицируя его терминологию (ср. Гаспаров 1986, 198), я буду различать: 1) ритмические формулы, то есть устойчивые сочетания словораздельной вариации ритма с определенным полнозначным словом (или корнем) в данном месте строки; 2) ритмико-грамматические клише, то есть устойчивые сочетания словораздельной вариации ритма с грамматической цепочкой (синтаксической или частеречевой); 3) ритмико-грамматические формулы, то есть устойчивые сочетания словораздельной вариации ритма с грамматической цепочкой и с определенным словом (корнем) в данном месте строки; 4) тавтологические стихи, то есть устойчивые сочетания словораздельной вариации ритма с определенными словами (корнями), реализующими метрические ударения<sup>13</sup>.

И формульность, и клишированность зависят от ритма строки, однако зависят по-разному: по мере сокращения числа ударных иктов грамматическая повторяемость растёт (ср. Гаспаров 1986, 196), а лексическая повторяемость — уменьшается (см. табл. 16—20). Поэтому в 4-стопных ямбах I-й формы, написанных Батеньковым или ему приписанных, доля ритмико-грамматических клише — 5%, а доля ритмических формул — 33%; наоборот, в 2-ударных стихах VI-й формы доля клише — 45%, а доля формул — 8%. Но главное правило, регулирующее плотность повторов, едино для всех «фигур» (Брик 1927, № 4: 28 и др.): чем больше объем текста, тем насыщеннее он формулами и клише. Скорее всего, в небольшом лирическом стихотворении повторов либо вовсе не будет, либо они будут художественно мотивированы, но в поэме или в группе стихотворений одного размера всегда найдется сколько-нибудь случайных, бессознательных штампов. Ж. А. Дозорец выяснила (1978, 85, 95), что у Пушкина по степени шаблонизации первое место держит 4-стопный ямб — самый употребительный из размеров. В свою очередь, в 4-стопном ямбе, как показывает анализ произведений, соотнесенных с именем Батенькова, максимальная концентрация штампов наблюдается в самой употребительной, IV форме — с пропуском ударения на 3-м слоге. И наконец, среди вариаций IV формы наиболее клиширована тоже самая употребительная — со словоразделами после 3-го и 5-го слогов: из 173 строк этого вида так или иначе повторами охвачены 154, то есть 85%.

В указанной модификации IV формы сеть лексических и синтаксических подхватов оказывается на редкость густой. В аутентичных стихах предельная длина непрерывной цепочки формул насчитывает 18 из 112 строк этого ритма: ...*Гордиться может красотой* ↔ *В игривых радость красотах* ↔ *К истоку всякой красоты* ↔ *И всходит солнце* ↔ *це красоты* ↔ *Да это Солнцы отдаленны* ↔ *В горниле солнца* ↔ *содержать* ↔ *В горниле солнце* ↔ *остается* ↔ *И прямо в солнце* ↔ *поместится* ↔ *В едином царстве не вмещуся* ↔ *В единой мысли* ↔ *состоит* ↔ *Что может в мысли* ↔ *оказаться* ↔ *Сей полной мысли* ↔ *выражение* ↔ *И понял мысли* ↔ *существо...* Если к формулам добавить клише, непрерывная цепь повторов удлинится до 65 стихов, а это уже 58% от общего числа строк с пропуском ударения на 3-й стопе и словоразделами после 3-го и 5-го слога: ...*И понял мысли* ↔ *существо* ↔ *И обнял чувства* ↔ *глубины* ↔ *Разбег их — чувства* ↔ *возрастанье* ↔ *И чувство* ↔ *чувства* ↔ *не поймет* ↔ *Погибли чувства* ↔ *и дела* ↔ *Насильем в слове и делах* ↔ *Умом нас, словом* ↔ *одари-*

ла ↔ Живое слово для людей ↔ Тяжелый камень на пути ↔ Вер-  
женьем камня и мольбою (↔ Твердыней веры и сомненьем) ↔ На  
месте камнем; продолжает ↔ Будь местом духа проявления ↔  
Величьем духа насладишься (↔ Там вечным светом насладим-  
ся) ↔ Причине жизни покоряйся ↔ Чтоб чуду Каны совершить-  
ся ↔ Народом внуков окружится ↔ Делами бездну наполняю ↔  
Края ты бездны съединяешь и т. д. Многие звенья этой цепи имеют  
«боковые ответвления» (примеры приводятся в скобках).

Помимо внутренних повторов, которые пронизывают стихи Батень-  
кова и Псевдо-Батенькова, в каждой группе текстов есть повторы вне-  
шние, наводящие мосты между подлинными и сомнительными текста-  
ми. Те и другие связаны всеми видами поэтических шаблонов, в част-  
ности ритмическими формулами. Вот некоторые из них:

## Б а т е н ь к о в

Как тлен, спадут с тебя оковы  
Добра и зла урок опасный  
Собор страстей — ея народ  
Живой в гробу, клянущий судьбу  
Державин звезды свыше зрел  
Единый к благу путь указан  
И признака в нем жизни нет (\*)  
Полнейший бытия итог (\*)  
  
Ковчег разрешали плен  
Ключи священства получить  
Несет в дом новый благодать (\*)  
Когда восторженный душою  
Страстей нечищенных волненьем  
Течет красавица Нева  
По воле всем располагая  
Ей часто радостей причина  
В надежде радостных свиданий  
Кипит вся радости огнем  
Да будет ближнему служенье  
Мелькнувших в Севере тогда  
  
С судьбою праведной, неложной  
Где должно звездочку, где пряжку  
Жизнь тихо теплится... и тает... (\*)  
Нам упование не напрасно

## D u b i a

Как тлен, падут тогда оковы<sup>14</sup>  
Добра от зла, причин от следствий  
Собор седых кудрей венчан  
Провел в гробу моей темницы  
Но гневный внемлют свыше глас  
Вотще ей правый путь укажут  
И узников печальных нет (\*)<sup>15</sup>  
Мне снились бытия истоки (\*)  
Расстройством бытия гнетом  
От бранных разрешишься уз  
Ключи правления не даны  
И се мир новый изваян (\*)  
Ему восторженно внимая  
В душах, охваченных волненьем  
Твоя, красавица Сибирь  
К тому здесь все располагает  
Последних радостей лишенный  
  
Поймут ли ближние те муки  
Седого Севера дитя  
Сыздетства к Северу любовью  
То, мнится, Севера призрак  
Господь мой праведный на небе  
Мигая, звездочки синют  
А тихо теплится и тлеет (\*)  
Лишь уповая на него

Список соответствий может быть щедро пополнен ритмико-грамматическими клише, как то:

Один стоял, другой упал	Они поют — оно молчит
Возари в окно твоих чертогов	Провел в гробу моей темницы
Возри на свет моих миров	
В сиянии венцов приличных (*)	В молчании часов тюремных (*)
И в зеркальных ея водах	По дикому его раздолью
Призыв почуяв, не смущайся	Себе позволив, не взвился
Хвостом и лапой гороломный	Тузы и хваты удалые
Судеб господних глубину	Небес веселых высота
Сердец насытых сочетанье	Небес отверзтых высота
	Телес бесполох чистота
Мертвит ничтожные предметы	Грозя дремотному покою
Живит неложные обеты	Струясь студеными струями
Прорвет Хвалынского преграды	Пищу заветные слова
Ищу в бесчувственной стене	Замри в неведомой дали
Сведешь на светлое чело	Смеюсь в неистовом весельи
Простри на круглую денницу	Висят над знойными песками
На ней вращается созданье	Его отрунули невежды
И море синее повило	И силы ветхие свежеют
Богиня светлая предстала	
Оставив тленные красы	Вздымаясь мощными волнами
Обычной твердою стопой	Зеленой свежело листвою
	Недавних суетных надежд
Живая кажется природа	Святые виделись символы
	Святые слышались глаголы
И лепоте и безобразью	И от родных и от друзей
По обновленным небесам	Двадцатилетним заточеньем
С ежеминутным удаленьем	И в светозарном расстояньи
	И покоренным государствам

Кроме того, подлинного и сомнительного Батенькова сближают несколько ритмико-синтаксических формул и тавтологических стихов:

И пушек писк, едва приметный	И солнца луч, едва приметный
Совьется в крепости Валдай	Очнется в крепости поэт
Дух самобытный и повсюдный	Дух окриленный и высокий
Нас просветляет и живит	Нас отягчает, утомляет
Ты сбросишь тленные одежды	Там, сбросив тленные одежды
И время медленно ступает	Здесь время медленно ступает
И бесконечный и святой	И бесконечный и святой
В мир бесконечный и святой	
Мне указало вдохновенье	Мне указывает вдохновенье

Формальное сходство между сравниваемыми стихами кажется весьма внушительным: в образовании внешних ритмико-грамматических и ритмико-лексикологических параллелей участвует 27% 4-стопных ямбов Батенькова и 37% 4-стопных ямбов Псевдо-Батенькова (при этом внешних клише и формул в *dubia* даже больше, чем внутренних). Но количественные показатели не должны заслонять от нас качественных различий: некоторые «ритмические фигуры», излюбленные Батеньковым, отсутствуют в сомнительных текстах, и наоборот. Например, в 7 стихах IV формы со словоразделами после 2-го и 6-го слогов Батеньков заполняет срединную позицию существительными или прилагательными с корнем *велик-/велич-*: *Кладет величия печать; Как смел, величествен и прост; В его величестве вместится; Его величием державна; Всего величием объемлет; Красив величием одним; Одно, великое одно*. Ни одного такого стиха у Псевдо-Батенькова нет. Зато у него четырежды встречается отсутствующие в достоверных текстах строки IV формы со словоразделами после 3-го и 6-го слогов, в которых срединную позицию занимают существительные и прилагательные, производные от корня *гор'*: *Мне были горестным делом; И плачу в горестной тоске; Не так уж горестно оно; Томимый горечью невзгод*. Иногда кажется, что неизвестный автор развивает ритмико-синтаксическую тему, намеченную Батеньковым: аутентичной строке *Вот камень, твердый и холодный* в *dubia* соответствует целая серия формул и клише: *Из длани слабой и неверной; Из бездны мрачной и глубокой; Решений важных и глубоких; Решений смелых и глубоких; Безумец жалкий и угрюмый; Рекою тихой и смиренной*<sup>16</sup>.

Эти необходимые поправки не отменяют, однако, того ощущения ритмико-лексико-грамматической однородности, которое создается сотнями формул и клише, общих для Батенькова и Псевдо-Батенькова. Шаблонизированные строки в сомнительных четырехстопниках составляют 36%, в подлинных — 48%, в тех и других вместе — 55%; таким образом, доля клише и формул не усредняется, а растет благодаря внешним параллелям, не имеющим внутренних соответствий (как при увеличении выборки из одного поэта). Примечательно к тому же, что в сличаемых текстах, рассматриваемых в качестве единого массива, шаблонизация усиливается отнюдь не за счет расхожих штампов, которые можно почерпнуть почти у любого поэта того времени: так, ни у Батенькова, ни у Псевдо-Батенькова не нашлось ни одного 4-стопного ямба, который бы оканчивался словоформами *молодой* или *мла-*



дой [около 200 таких стихов из Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Жуковского, Рылеева и других поэтов собраны в статье Гаспарова (1986, 184 и далее)].

Обилие параллелей между авторитетным и неавторитетным Батеньковым должно было бы стать весомым аргументом если не за подлинность стихов якобы из пропавшей тетради, то хотя бы за их принадлежность к той же литературной традиции, что и оригинальные произведения узника Петропавловской крепости (ср. Гаспаров 1986, 188). Но, к несчастью, и этот аргумент может быть дезавуирован ссылкой на одно поучительное обстоятельство. В 1918 г. С. П. Бобров дописал за Пушкина отрывок «Когда владыка ассирийский...» и под видом новонайденного текста послал это окончание Н. О. Лернеру. Лишь после того, как мистификация удалась и псевдопушкинский текст был опубликован как подлинный, Бобров раскрыл свое авторство, а еще через несколько лет превратил подделку в объект филологической рефлексии, по преимуществу нацеленной на выявление пушкинских шаблонов. Он признался, что его строка «Идет послушливый Евнух» копирует строку «из стихотворения „Стамбул гяуры нынче славят...“: „И спит подкупленный Евнух“, слово же „послушливый“, заменившее „подкупленный“, заимствовано из наверно пушкинского „Анчара“. „Теряет он язык и ум“ вывернуто из экспромта, сказанного в костюме циклопа: „Язык и ум теряя разом“. „Он забывает битвы гром“ взято из стихотворения „К принцу Оранскому“: „Довольно битвы мчался гром“. „Угрюм и мрачен он лежал“ — образцы этой строки находим в „Родословной моего героя“ — „угрюм и страшен“ — и в описании смерти Ленского, а также в „Пророке“. „Счастливы дебри Иудей“ — „Спокойны дебри Каломоны“ из „Кольны“». По мнению Боброва, «Н. О. Лернер во многих отношениях не „безукоризненный“ ученый», и всё же его пример «показывает, как пастичированный Пушкин воспринимается за подлинник специалистом, и говорит с очевидностью о крупной роли пастиччио в деле влияний и заимствований» (1922, 92)<sup>17</sup>.

Мне кажется, что сравнительный лингвостиховедческий анализ подлинных и сомнительных произведений Батенькова не продвинул нас далеко вперед в поисках ответа на вопрос об авторстве и путях его установления исходя из данных самого текста. Пока все случаи сходства или различия, независимо от их числа и яркости, нельзя считать критическими: факта мистификации с их помощью невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

#### 4. Язык

**4.1.** В области фонетики и грамматики контрастивный анализ языка Батенькова и Псевдо-Батенькова будет в основном ограничен, так сказать, особыми языковыми явлениями, то есть отступлениями от нынешней литературной нормы (условно я буду их называть аномалиями). Поскольку дело идет о письменной речи, выявление фонетических аномалий затруднено: об особенностях в распределении фонем кое-что говорит нам рифма (см. Шапир 1997, 126 примеч. 71), об акцентологических особенностях — ритм.

Из положения слова в строке можно понять, что в стихах подлинного Батенькова по крайней мере 62 словоформы нарушают современную акцентологическую норму: *верт́ится* (*Вот солнце. Вкруг него верт́ится*), *воспряне́шь* (*Уснувший воспрянешь творец*), *восторже́нный* (*Так пел я, сердцем восторженный*), *зе́ркальных* (*И в зеркальных ея водах*), *иску́сов* (*Путем искусов гробовидных*), *ну́жда* (*Когда бы нужда в том была*), *пе́рсты* (*Как персты ловко побежали*), *плита́* (*Тогда даст щель скрижалей плита*), *сне́гов* (*И снегов вечных сединами*), *судит́* (*Судит и рядит полной лаской*), *уста́лые* (*Спят усталые корабли*), *уязв́ленный* (*Уязвленный грехом, страдаю*), *язы́ком* (*Языком моря Бога славить*) и т. д. Около 20 похожих случаев отмечено в *dubia*: *завари́м* (*Такую кашу заварим*), *извая́н* (*И се мир новый изваян*), *изда́вна* (*Глаза издавна приобькли*), *подари́т* (*Град новосельем подарит*), *призра́к* (*То, мнится, Севера призрак*), *явлéнный* (*Прекрасен мир, явленный мне*) и др. Некоторые аномалии есть и в подлинных текстах, и в сомнительных: *Иль меж душа́ми нет сношений* (Батеньков) — *В душа́х, охваченных волненьем* (*dubia*); *Кати́т игрою в семь огней* (Батеньков) — *Кати́тся мрачною волною* (*dubia*); *Земле надле́жит ожидать* (Батеньков) — *Надле́жит узнику мечтать* (*dubia*)<sup>18</sup>; *В символы углубясь твои, Как мыслей в божестве символы* (Батеньков) — *Святые виделись символы, Таится в нем символ священный* (*dubia*); *Что света и огней стру́ями* (Батеньков) — *Струясь студеными стру́ями* (*dubia*).

В целом, однако, акцентологические аномалии встречаются в *dubia* вдвое реже, чем у Батенькова: словоформ с непривычным ударением в достоверных произведениях — одна на 20 строк (1,2%), в недостоверных — одна на 40 (0,6%). Ряду батеньковских отклонений от современного узуса в *dubia* соответствует стандартное употребление: *Забуде́шь мне ле́та исчислить* (Батеньков)<sup>19</sup> — *В лета́х цветущих от-*

решенный (dubia); *Как пёрсты ловко побежали* (Батеньков) — *Ее месить и мять перста́ми, С их узловатыми перста́ми, Смыкать их бережно персто́м* (dubia); *Спят усталые корабли* (Батеньков) — *Уста́лый упокоить ум* (dubia). Нужно, впрочем, иметь в виду, что вариативность ударений свойственна языку самого Батенькова: *Так пел я, сердцем восторжённый* (Батеньков) — *Когда востóрженный душою* (Батеньков), *Ему востóрженно внимая* (dubia); *И на увлажненных стена́х* (Батеньков) — *Шалил на стéнах Ватикана* (Батеньков), *На стéнах моего жилья* (dubia); *Во сне покоился или́* (Батеньков), *Или́: вот лев пламеннокровный* (Батеньков), *Или́ при жизни погребенный* (dubia) — *Поставить ночью и́ли днем* (Батеньков).

На грани фонетики и морфологии находится вопрос о форме глагольного суффикса *-ся/-сь*: после гласных он редуцируется, после согласных — нет (*плестись*, но *волочиться*). Именно так, надо думать, говорил Батеньков: единственное нарушение этого правила в его эпистолярной прозе кажется стилистически релевантным<sup>20</sup>. Но в поэтическом языке Батенькова, так же как у его современников, после гласных на конце словоформы допускаются оба варианта: *Мечты вилися на пути*; *В едином царстве не вмещуся*; *Жена явилася с кинжалом*; *Светися, красная, светися* и т. д. (всего 14 случаев); ср.: *Я не боюсь ее. Сразит*; *В грязи валяясь вещества*; *И солнце красное сокрылось*; *Стекайтесь, дети просвещенья* и т. д. (34 случая). Иначе у Псевдо-Батенькова, у которого во всех 45 случаях употребления этого суффикса после гласного звука соблюдается действующая норма.

Еще больше наши подозрения относительно подлинности произведений, рукописи которых утрачены, усиливаются из-за того, что в различиях между Батеньковым и Псевдо-Батеньковым просматривается определенная закономерность. Разделяя убежденность А. Л. Гришунина (1960) в том, что изучение фонетических, грамматических и лексических дублетов может быть особенно плодотворным при атрибуции или атетезе, мы не должны закрывать глаза на регулярную разницу в распределении таких дублетов, как *бы/б*, *же/ж*, *или/иль*, *чтобы/чтоб* и т. д.:

	Б а т е н ь к о в	D u b i a
<i>бы/б</i>	4 + 0	7 + 6
<i>же/ж</i>	12 + 0	8 + 8
<i>или/иль</i>	5 + 2	1 + 4
<i>ли/ль</i>	11 + 4	8 + 5
<i>уже/уж</i>	4 + 2	0 + 4
<i>чтобы/чтоб</i>	3 + 13	0 + 2

В той же пропорции по двум группам текстов распределяются сравнительные формы с редуцированными суффиксами: у Батенькова — один случай на 1212 строк (*Уйдем скорей, уж скоро ночь*), у Псевдо-Батенькова — 3 случая на 716 строк (*Важней произнесенных слов; Иль новый, прежнего надежней; Укроюсь плотней плащом*). Очевидно, что в стихотворениях, достоверность которых несомненна, поэт стремился избегать полной редукации гласных в аффиксах и служебных словах, чего нельзя сказать о его возможном подражателе<sup>21</sup>.

Данному аргументу можно было бы попытаться придать решающее значение, если бы найденная закономерность действовала безоговорочно. На самом деле это не так. В подлинных стихах, например, употребляется только форма *хоть* (5 раз), в сомнительных — только *хотя* (2 раза). У Батенькова *ужели* и *ужель* относятся как 1:5, у Псевдо-Батенькова — как 1:1. Предлог *среди* в аутентичных произведениях встречается в 2,5 раза чаще, чем *среди* (в *dubia* и тот, и другой вариант отсутствуют). В обеих группах текстов предлог *в/во* иногда разрастается в моносиллаб там, где это не предусмотрено орфоэпической нормой: *во гробу, во прах, во уповании* (Батеньков), *во прах, во страх* (*dubia*). В несомненно батеньковских строчках предлог *с/со* трижды редуцирован вопреки общепринятому произношению: *с скалы, с своєю, с словом* (в *dubia* таких аномалий нет). Наконец, окончание творительного падежа *-ой/-ою* (*-ей/-ею*), в прозе Батенькова почти везде представленное своей двусложной разновидностью (*монетою, племянницею, тобою, своєю, обширною, отторгнутою* и т. д.), в подлинных стихах составляет два слога даже несколько реже, чем в сомнительных: в 39% случаев против 41,5%<sup>22</sup>.

**4.2.** Морфологические аномалии в языке Батенькова и Псевдо-Батенькова представлены главным образом устаревшими формами словоизменения либо их функционально-стилистическими эквивалентами. У Батенькова одна аномалия приходится в среднем на каждые 22 строки (всего 55 случаев), у Псевдо-Батенькова — на каждые 15 строк (всего 41 случай). Следовательно, плотность отступлений от современной словоизменительной нормы в *dubia* на 25% выше, чем в оригинальных стихах.

Немаловажно при этом, что повышенная архаичность псевдо-батеньковской морфологии достигается первым делом с помощью «нескольких наиболее типичных и выразительных явлений из числа „вольностей“, завещанных <...> традицией» XVIII в. (Винокур 1941, 508 и далее). Самую большую группу аномалий в сравниваемых текстах со-

ставляют так называемые «усечения» местоимений, прилагательных и причастий (в том числе субстантивированных): *Бела, прозрачна риза вьет; Которы пережили жар* (Батеньков); *Цветы зарделись ароматны; Ваянны волей божества; Вселенна коими жива* (dubia) и др. У Батенькова таких усечений лишь 11 (одно на 110 строк), причем 2 из них могут быть интерпретированы не как морфологические, а как лексические славянизмы: *един* вместо *один* (*Восторг един нас окриляет; Един селится самобыт*). Псевдо-Батеньков к усеченным формам прибегает в два раза чаще: их у него 14, то есть одно усечение на 50 строк<sup>23</sup>.

Следующую по величине группу традиционных аномалий образуют опативы, которые производятся от самых разных глаголов и принимают форму любого лица и любого числа: *В тебе да будет непорочность; О, да святится он в сердцах!; И на земли да водворится; Дай да в напасти не впадаем* (Батеньков); *Да снидет сон моим очам; Да будешь смысл понять готов!; Жди — да отведаешь сладчайших; Да к горним высям воспарю!; Их обуздав, да просветлимся* (dubia) и др. В общей сложности у Батенькова 9 опативов (один на 135 строк), а у Псевдо-Батенькова — 7 (один на 100 строк).

Среди морфологических явлений, доставшихся XIX в. в наследство от предыдущего столетия, Г. О. Винокур выделял окончания родительного падежа единственного числа женского рода *-ья* (*-ия*) у слов с адъективным склонением. Батеньков эту форму использует дважды: *Взял в руки ось земныя сферы; Первоначальныя четы*; Псевдо-Батеньков — трижды: *Следы вседневныя кручины; Святыя славы тихий свет; Но чаю грядущия встречи*. В подлинных стихах одна такая поэтическая вольность приходится на 600 строк, в сомнительных — одна на 240 строк, или в 2,5 раза чаще. Чтобы понять, много это или мало, надо учесть, что «на всем протяжении стихотворного творчества Пушкина послепетлицейской поры мы находим в его произведениях всего-на-всего шесть примеров употребления этой формы» (Винокур 1941, 517), то есть приблизительно один раз на 6500 строк или немного чаще (см. Панфилов 1995). В середине XIX в. (именно к этому времени якобы относятся почти все произведения, впервые напечатанные Илюшиным), форма родительного падежа на *-ья* (*-ия*) практически не встречалась даже у поэтов явно архаической ориентации: так, стихотворениями Тютчева, написанными после 1825 г., не засвидетельствовано ни одного случая этой формы за целых полвека<sup>24</sup>.

Другая особенность морфологии прилагательных — ударное *-бѣй* в окончаниях мужского рода единственного числа — у Батенькова и Псевдо-Батенькова имеет общую стилистическую окраску и проявляется со сравнимою частотой: *В мир бесконечный и святой; И бесконечный и святой* (2 раза); *Живый и всемогущий Бог; Сей жрец чередовой завета* (Батеньков); *И бесконечный и святой; Возвысил дух святой восторг* (dubia). Той же природы устаревшее склонение притяжательного прилагательного *Господень* в «Переложении псалма 2» — *Господня сына вы почитите* (dubia) — и архаические формы причастий: *Гремяй над многими водами* (Батеньков); *Под общим чувством: мы и сый* (Батеньков). В стихах Псевдо-Батенькова тоже есть аномальная форма причастия, претендующая быть церковнославянизмом: *Спасенья преградивы путь*. Публикатор поясняет: «*Преградивы* (др.-русс.) — преградившие» (Илюшин 1978, 155). Однако эта форма неправильная — по нормам церковнославянской (и древнерусской) грамматики следовало написать так: <...> *Лишь бранны обретут обломки, // Спасенья преградивша путь*. Винительный падеж множественного числа причастия мужского рода предположительно был образован автором сомнительных стихов по аналогии с начальной формой *преградивый*. Поскольку столь необычное формообразование не имеет никаких параллелей в языке подлинного Батенькова, мы будем рассматривать этот факт как один из самых серьезных доводов в пользу версии о подделке<sup>25</sup>.

Еще одна аномалия, в равной мере свойственная подлинным и сомнительным произведениям, — это нормативная для прошлого века форма личного и притяжательного местоимений женского рода в родительном падеже единственного числа: 8 раз у Батенькова (*Там льдину сделаю и урну из нея; Возвысь над ея снегами; Ея воскраия — граниты* etc.) и 5 раз в dubia (*В ея прохладе забывать; Слепой ея вершителъ случай* etc.). В изданиях, модернизирующих старую орфографию и пунктуацию, написание *ея/нея* обычно не сохраняется, но Илюшин его аккуратно воспроизводит — возможно, не только из-за рифмы *нея* : *я* (Батеньков), но и ради сохранения организующих строку «словых созвучий»: *Ея сияньем осиян* (ср. Илюшин 1986). Не могу, однако, не заметить, что в стилистическое противоречие с этой орфограммой вступает написание личного местоимения женского рода во множественном числе — *они* вместо *оне* (онѣ): *Где они, грозные грозы, где они, дальные дали* (dubia; в авторитетных текстах форма *они* замещает только существительные мужского рода).

Систематические расхождения между морфологическими аномалиями у Батенькова и Псевдо-Батенькова не найдены, если не считать особой склонности автора сомнительных стихов к утраченным формам глагола *быть*: *Я пленник есмь иной стихии*; *Есмь лишь глиняны фигурки*; *Суть те же узники немые* [в подлинных произведениях парадигма этого глагола пополнена только оптативом *да будет* и причастием *сый*; ср. в стихотворении, которое Илюшин (1978, 164) печатает не в основном корпусе, а как приписываемое Батенькову: *Се ты, Господь, владыка света! // Тобой мы движемся, есмь*. Кроме того, Батеньков намного чаще обращается к нестандартным формам именного склонения: *И беги мерило миров*; *И веки там готова жить*; *Владыко, отпусти слугу*; *Он чудится и в гробе смутой*; *Но, други, в этот самый час*; *И на земли да водворится*; *Взнесясь до звезд, лишиться крил*; *Не белите лица*; *Да это Солнцы отдаленны* и др. (всего 13 случаев). У Псевдо-Батенькова зарегистрированы лишь 3 аналогичных формы: *Сколь легче доблестьми гордиться* (историческое склонение с основой на \**ĭ*); *Телес бесполох чистота*; *Там, сбросив тленные одежды*<sup>26</sup>. Прочие аномалии единичны и не могут быть использованы для дифференциации сравниваемых текстов.

**4.3.** В области поэтического синтаксиса отступления от современной нормы происходят неизмеримо чаще, чем в области фонетики или морфологии: у Батенькова я насчитал 1129 особых синтаксических явлений, или 93 на каждую сотню строк, у Псевдо-Батенькова — 608 явлений, или 85 на каждую сотню строк. Но столь большое число аномалий всецело обусловлено количеством инверсий. Нарушения «прямого» порядка слов, не мотивированные актуальным членением, в подлинных стихах составляют 82%, а в сомнительных — 91% всех синтаксических вольностей: *Вон там весной // Земли пустой // Кусок вода струей отмыла* (Батеньков; ср.: \*...вода отмыла струей кусок пустой земли); <...> *Где мрачных волн, с Бореем споря, // Родится гул, не слышный нам* (*dubia*; ср.: \*...где, споря с Бореем, родится не слышный нам гул мрачных волн). В обеих группах текстов инверсии появляются с одинаковым постоянством: на 100 строк примерно 77—78 раз. Совпадает также доля инверсий определяемого с нераспространенным необособленным определением, согласующимся в роде, числе и падеже: у Батенькова на долю этих случаев приходится 22,2% инверсий, у Псевдо-Батенькова — 23,6%<sup>27</sup>. Однако мы знаем, что в *dubia* удельный вес согласованных определений на треть выше, чем у Батенькова (см. § 3.1), а значит, и нормальный порядок слов соблюда-

ется тут намного чаще: в подлинных стихах определение предшествует определяемому в 55% случаев, в сомнительных — в 66%; следовательно, в произведениях, имеющих разную легенду, порядок слов свободен по-разному.

Все прочие синтаксические вольности, кроме инверсий, оснащают псевдо-батеньковиану в среднем в два раза реже, чем поэзию самого Батенькова. Тем не менее их репертуар обнаруживает черты структурного сходства. Свыше половины этих отступлений от стандартного синтаксиса образует эллипсис, то есть опущение одного или нескольких грамматически необходимых членов. Подлинные стихотворения заключают в себе 109 таких случаев (9,7% синтаксических аномалий): *Теперь [надо/приходится сказать] — прости всему навек!; Ужель и люди веселятся? // Ужель не их [несчастье] — их не страшит? // [Ужель] Друг другу смеет поверяться, // И думает, и говорит?; Здесь имя [погрузится] — в гробовую тьму; И много лет прошло донныне [с тех пор], // Как лава в пламени была etc.*<sup>28</sup> Иногда Батеньков выстраивает своего рода эллиптические периоды, в которых обилие пропусков может даже затемнять смысл:

Духъ переполненный блаженство<мъ>  
 Черезъ край его на тѣло лъеть;  
 Оавора свѣтъ ему наслѣдствомъ,  
 Бѣла, прозрачна риза вѣтъ.  
 И полотну душевной силой  
 Предастъ Твой образъ молчаливой.  
 Какъ быстро можетъ возходить,  
 Отъ совершенства къ совершенству,  
 Его границъ нѣтъ многоженству,  
 Всѣ можетъ красоты любить.

«Тюремная песнь»<sup>29</sup>

Во втором предложении пропущено сказуемое, в четвертом, пятом и седьмом — подлежащие. У Псевдо-Батенькова таких периодов нет: эллипсис у него встречается всего 33 раза (5,4%) и притом нигде не мешает однозначному пониманию текста: *Не знаю, сколько долгих лет // [Я] Провел в гробу моей темницы; Еще [суждено] мне жить, дожждаться воли!; Темницы нет, во прах [рассыпалась] твердыня!; Отныне скорбь [меня] томить не станет; [Хочется/надо] Ее <глину> месить и мять перстами и т. п.*

Еще малочисленнее солецизмы и квази-солецизмы, то есть случаи неправильного (с точки зрения сегодняшней нормы) выбора грамматических форм. В этом пункте различие между стихами подлинными и



сомнительными проступает с особой наглядностью. У Батенькова 72 таких неправильности (6,4% синтаксических аномалий), у Псевдо-Батенькова — 15 (2,5%): у первого солецизмы напоминают о себе в полтора раза реже, чем эллипсис, у второго — в два с половиной. Так, например, в «Одичалом», в «Тюремной песни» и в других произведениях этой группы набралось в общей сложности 28 фактов необычного управления при глаголах: *Но косо падая на льдах* (о лучше; вместо *во льдах* или *на лед*); *Как божество, от всех почитится* (вместо *всеми*; ср. также: *Отец небесный да святится // От всех небесных чад его*); *Проникнут молнией сердца* (вместо *в сердца*; ср. также: *Люблю, когда взором проникнешь // Мой наблюдающий глаз*); *Могла амвросии вкушать* (род. пад. вместо вин. *амвросию*); *И отчужденный божества* (вместо *от божества*); *Послушай звуков нежных, стройных* (вместо *звуки*); *Мелькала мне над головою* (вместо *у меня*); *Дает глядеть себя свободно* (вместо *на себя*); *Дотронется ли горностая* (вместо *до горностая*); *Надлежит отрещись природы* (вместо *от природы*); *Светла в позднейших временах* (вместо *в позднейшие времена*) и мн. др. У Псевдо-Батенькова нашлось лишь 7 примеров такого рода: *Да снидет сон моим очам* (вместо *к моим*; 2 раза); *Меня <...> Град новосельем подарит* (вместо *подарит мне новоселье*; 2×2 раза); *И жизнь отдал бы для него* (вместо *за него* или *ему*).

Нестандартное приглагольное управление здесь рассматривается как один из видов анаколуфа — грамматической рассогласованности речевых единиц. Помимо указанных, у Батенькова имеется еще 23 случая синтаксической нестыковки разных элементов высказывания. В первую очередь, это рассогласование глагольных наклонений, времен, видов и т. д.: <...> *Ум, для великого рожденный, // Такую должен класть печать, // Что[бы] в тоне, красках песнопенья <...> Нельзя [было] и черточки отнять; Когда <...> Державин звезды свыше зрел <...> удел // Ему тот дан [был] для миллионов; Что [ни] день, в лишениях тужа, // Осиротевшая душа // Отчаётся <вместо отчаивается> во мраке дум; <...> Что миг, то мир сей в виде новом // На те же <т>расти наведут (вместо наводят)<sup>30</sup>; Кто имя новое узнает, // Нося печати воскресает (вместо воскреснет); Я <...> Никну на самую грудь, — // И слабо тобой охраненной // Устами святыни коснусь (вместо *никну и касаюсь* или *поникну и коснусь*) и др.<sup>31</sup> Сюда же относится несогласованность подлежащего и сказуемого (в роде или числе): *Родной и друг искать не будет* (вместо *не будут*); *Всем**

свет, всем жизнь из солнца льется (вместо льются); Живый и всемогущий Бог, // Космогоническая сила, // Полнейший бытия итог, // Умом нас, словом одарила (вместо одарил). Ряд анаколуфов связан с необычным приименным управлением: Пространство в нескольких шагах (вместо в несколько шагов); И лепоте и безобразью // В страстях моих ключи согласью (вместо ключи к согласью и лепоты и безобразья); Всем путь из берегов открыт (вместо от берегов); Богат он в милостях и силе (вместо милостями и силой) и т. п. Представлены у Батенькова также некоторые другие виды анаколуфов: Но так избитая, кривая (вместо но столь избитая или но такая избитая); Как очи, полные познаний, // Так сопки блещут их огнем (вместо как очи, полные познаний, их сопки блещут огнем<sup>32</sup>); Когда, лишась мер и созвучий, // Песнь жар не потеряет свой <...> Так скажет ум обыкновенный (вместо ум обыкновенный скажет так, что, лишась мер и созвучий, песнь не потеряет свой жар); и т. д. Таких аграмматизмов у Псевдо-Батенькова нет: вдобавок к нестандартному управлению у него выявлен только один случай несогласования времен (Его глаза добром светились, // Уста отверзты шевелились, // Но звук речей не [был] слышен мне)<sup>33</sup>.

От анаколуфа не всегда можно отличить эналлагу, то есть употребление грамматического члена или категории в несвойственной им функции: имя выступает в роли глагола, причастие — в роли деепричастия, определение — в роли дополнения, личное местоимение усваивает значение притяжательного, притяжательное — личного и т. д. Например: Уснувший воспрянешь творец (вместо уснув, воспрянешь творцом); Как Нарва в громы разражаясь // Катит игрою в семь огней <...> (вместо играя семью огнями); Вот в Пизе башня наклоненьем <вместо наклоняясь> // Через шесть веков грозит паденьем <...>; Тогда под пальмным осененьем // Востока девою рожденьем // Проглянет слова жизни свет (вместо под осененьем пальмы, рожденный девою Востока, проглянет свет слова жизни); И с братом их одна семья (вместо они с братом); Нам <вместо наше> упованье не напрасно и др. Всего таких фигур у Батенькова 11 — много больше, чем в dubia, где один раз междометие употребляется вместо сказуемого, а другой — вопросительное местоимение вместо неопределенного: Да воспарю!.. — но **ах**: усталость // Претит полету в небеса; Скажите: разве **что** мешает // Дышать всей грудью глубоко?<sup>34</sup>

В подлинных произведениях встречаемость солецизмов в целом втрое выше, чем в dubia. Один лишь именительный предикативный

у Псевдо-Батенькова не слишком уступает в употребительности оригиналу: *Что будет око прозорливо; Что будет череп головной; Орел и лев родишься новый, // Уснувший воспрянешь творец* (Батеньков); *И одинокий в сей юдоли // Он доживет остаток дней; Сбылось... Я стал островитянин* (dubia). Но некоторые экзотические фигуры, не раз повторяющиеся у Батенькова, в сомнительных стихах вообще не значатся. В частности, таков силлепс, допускающий сочинительную связь между грамматически (и семантически) неоднородными членами предложения: *В какой бы ни было беседе, // И пусть хоть на гулянье где, // В саду, на бале, на обеде // И, словом, всегда везде <...>; Один — и просто божий сын; <...> Алкая в ней увеселенья // И отчужденный божества; <...> Течет красавица Нева, // И руслом всем своим великим, // И делится на рукава; Вот вышла девушка и с маской.*

Среди других синтаксических фигур сколько-то видное место у Батенькова занимает парцелляция — раздробление единой конструкции на грамматически недостаточные, но интонационно самостоятельные фрагменты:

Для обновления свободы,  
Гдѣ связанъ слова хлѣбъ въ снопы<,>  
Надлежитъ отрѣцись природы.  
Петра отступника стопы,  
Не обнаживъ, омыть слезою.  
Верженьемъ камня и мольбою  
Пустить съ чела кровавый потъ.  
Крестомъ — Спасителя извѣдать  
И предъ вселенной исповѣдать,  
Какъ зиждеть Богъ отъ золь плоть.

«Таинства»<sup>35</sup>

Этим трем и тринадцати другим примерам парцелляции у Батенькова в dubia соответствуют только два невыразительных случая:

Господня сына вы почтите,  
Зане ужасен гнев Его.  
Себя от бедствий охраните,  
Лишь уповая на Него.

«Переложение псалма 2»

Меня Окою окаймленный  
Град новосельем подарит.  
Легенды старины священной  
Поведать страннику сулит.

«На приезд мой в Калугу»

Наконец, ради полноты картины в перечень синтаксических фигур надо включить опыты с союзами: асиндетон и полисиндетон. Эти риторические приемы у настоящего Батенькова востребованы чуть реже, чем у его alter ego. С бессоюзием у автора «Одичалого» мы сталкиваемся дважды: *Так точно хладен днесь веществ сих друг, любитель* (ср.: \*друг и любитель); *Нет!.. да! — для чувства лишь мучений!* (ср.: \*да, но лишь для чувства мучений). В dubia также два раза имеет место бессоюзие и еще один раз — многосоюзие: *Качаюсь в каменном мешке — // Дитя в уютной колыбели* (ср.: \*словно дитя в уютной колыбели); *Нет, я не громом, — тишиною // Был и разбит и оглушен* (ср.: \*не громом, а тишиною); *И нет томленья, ни страданья, // И нет ни казней, ни изгнанья, // И узников печальных нет!..* (ср.: \*нет ни томленья, ни страданья, ни казней, ни изгнанья, ни печальных узников). Последняя из фигур — полисиндетон — в подлинных стихах не присутствует<sup>36</sup>.

**4.4.** В качестве особых лексикологических явлений рассматривались слова, которые отсутствуют в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» или же имеют ограничительные пометы типа *устар.*, *поэт.*, *обл.* и др.<sup>37</sup> И у Батенькова, и у Псевдо-Батенькова маргинальная лексика покрывает 5,8% словоформ (в среднем один случай на четыре строки). Почти всё это слова, вышедшие из употребления либо утратившие в современном языке значения, которые они имеют в анализируемых стихах: *агнец*, *верженье*, *возгореться*, *воскраие*, *живить*, *зиждить*, *инде*, *льститься*, *млеко*, *многоличный*, *наклоненье* 'наклон', *напаяться*, *напрасливый*, *нарамник*, *отрецись*, *пловец* 'гребец', *проникнуть* 'всцело заполнить собой', *пряжка* 'почетный нагрудный знак', *разумевать*, *ратник*, *свергать* 'сбрасывать', *седалище*, *селянин*, *скрып*, *состав* 'организм', *сплавливать*, *стопа* 'шаг', *съединять*, *тля* 'тление', *торг* 'место торговли', *узреть*, *усердный* 'сердечный', *Хвалынский*, *хряц* 'крупный песок', *щепень*, *чертог* (Батеньков); *абстракт*, *боле*, *бранный* 'воинский', *вежда*, *великость*, *власатый*, *внити*, *возрыдать*, *восхотеть*, *зане*, *кишенье*, *кошемар*, *мрачиться*, *мятись*, *оный*, *осиять*, *отженуть*, *перси*, *покой* 'жилая комната', *претить* 'мешать, препятствовать', *росс*, *слиять*, *соблазн* 'греховное искушение', *сопрячь* 'соединить', *сродственный*, *тупец*, *уповать* 'неколебимо верить', *Швартгольм*, *юдоль* (dubia) и мн. др.

Длинный ряд архаизмов входит в «общепатеньковский» лексический фонд: *благой*, *вникнуть* 'проникнуть', *вседневный*, *длань*, *зефир* 'теп-

льй легкий ветер', *крило*, *лик*, *любезный* 'милый, дорогой', *мольба* 'молитва', *муж* 'мужчина, деятель', *обымать*, *око*, *оцт*, *певец* 'поэт', *перст*, *почить*, *почто*, *презреть* 'пренебречь', *приветный*, *приобькнуть*, *приосенить*, *приятъ*, *разрешить* 'освободить, избавить', *реци*, *се*, *собор* 'собрание, совокупность', *сокрыться*, *ток* 'течение', *ужели*, *хладный*, *язык* 'народ' и проч. Ясно, что многие из этих слов — канонизированные традицией поэтизмы, но зато другие весьма специфичны. Особенно характерен с этой точки зрения *оцт* (вместо *оцет*) в именительном и винительном падежах: *Испить чрез оцт небытия* (Батеньков); *И, яко оцт, не утоляет* (*dubia*).

Хотя вылазки за пределы общеупотребительной лексики Батеньков и Псевдо-Батеньков предпринимают с равной регулярностью, это равенство обеспечивается с помощью не вполне тождественных средств. Как и в области морфологии (см. § 4.2), автор сомнительных произведений черпает прежде всего из арсенала наиболее традиционных поэтических вольностей. Таковы, в частности, неполногласные дублеты, имеющие в языке Батенькова стилистически нейтральную полногласную пару: *град/город*, *глас/голос*, *брег/берег* и т. д. вплоть до таких, как *жребий/жеревий* или *обратить/оборотить*<sup>38</sup>. У Батенькова полногласий и неполногласий поровну (28 : 28), тогда как в *dubia* первых вдвое меньше, чем вторых (15 : 29):

	Батеньков	Dubia
-оро-/-ра-	3 + 7	2 + 5
-оло-/-ла-	15 + 7	8 + 10
-оло-/-ле-	0 + 0	0 + 1
-ере-/-ре-	10 + 14	5 + 13

Если не считать архаизмов и поэтизмов, в поэтическом языке рассматриваемых произведений лишь одна категория слов образует более или менее гомогенную лексическую группу. Это окказионализмы: *вольца*, *гороломный*, *гробовидный*, *добронравица*, *пламеннокровный*, *поцетиниться*, *яснозрящий* (Батеньков); *борзокрил*, *коловращательный*, *обескрылетъ*, *песнотворенье*, *превернуть* (*dubia*) и др.<sup>39</sup> Ни один из неологизмов Псевдо-Батенькова не дает прочных оснований для атетезы. Что мешало поэту по аналогии с генетическим славянизмом *превратить* создать из глагола *перевернуть* вторичный славянизм *превернуть*? Что мешало ему от существительного *коловращенье* произвести прилагательное *коловращательный*, от *poimen agentis p'бснотворъ*, *p'бснотворецъ* (СлРЯ XI—XVII, 20) — *poimen actionis*

*песнотворение*, от переходного глагола *обескрылить* — его непереходную пару *обескрылеть* и т. д.<sup>40</sup> И в подлинных, и в сомнительных стихах окказионализмов относительно мало, но письма раннего Батенькова (до 1825 г.) пересыпаны такими «галиматейными» новообразованиями, как *болванизм*, *болванный*, *великомочие*, *всеболтливость*, *дилижанство*, *донкишотопиальный*, *елагинический* (от фамилии *Елагин*), *кощейство*, *протолпиться*, *светляточки* 'дети светлейшего', *современничество*, *худодвижный*, *чернилопролитный* и др. (Батеньков 1989, 109, 113, 117, 135, 149, 159, 162, 182, 183, 190, 194, 201). В письмах, написанных после освобождения, словотворчество становится редким, но и тут встречаются инновации вроде *нестареемость*, *отемнить*, *удобоприступность* и др. (Батеньков 1989, 235, 258, 304; ср. Илюшин 1978, 52; Брегман 1989, 87; Ронинсон 1990, 71—72).

Общность в использовании лексических аномалий согласуется с результатами сплошного сопоставительного анализа словаря подлинных и сомнительных произведений. Из 1420 слов, представленных в поэзии Псевдо-Батенькова, 630, то есть почти 45%, встречаются в стихах самого поэта-декабриста<sup>41</sup>. Остальные 55% не имеют параллелей в достоверных стихотворениях, и это неудивительно: ведь 945 слов Псевдо-Батенькова (66,5%) встречаются у него только по одному разу, так же как 1293 слова в стихах настоящего Батенькова (66,0%). Если, однако, ту и другую группу текстов слить воедино, то количество неповторяющихся слов в сводном словаре уменьшится до 60,2% (1655 слов). В среднем каждое слово повторяется в *dubia* 2,3 раза, у Батенькова — 2,7 раза, в общем корпусе — 3,1 раза.

В действительности, однако, сходство лексики Батенькова и Псевдо-Батенькова еще больше, так как при сопоставлении конкордансов не фиксируется совпадение дериватов: например, в подлинных стихотворениях встречаются слова *благословенье*, *весна*, *воскресить*, *восторженный*, *грустить*, *долго*, *железо*, *запереть...*, а в *dubia* — их словообразовательные корреляты *благословлять*, *весенний*, *воскреснуть*, *восторженно*, *грусть*, *долгий*, *железный*, *запирать...* Плюс к тому изрядная часть словарного состава неавторитетных текстов, не находя подтверждения в стихах Батенькова, может быть удостоверена цитатами из его писем<sup>42</sup>. В этом отношении подлинные стихи не отличаются от сомнительных: лексика стихотворных произведений Батенькова покрывается письмами на 69%, лексика стихотворных произведений Псевдо-Батенькова — на 68%.

Красноречивую иллюстрацию дает анализ подозрительных строк:

**Обильный влагою оазис**  
 В пустыне **островом возник,**  
 Когда луна в **четвертый фазис**  
 Свой бледный **обратила лик.**

«Великий муж»

Восемь слов, выделенные жирным шрифтом, отсутствуют в подлинных стихах, однако все они, в том числе *оазис* и *фазис*, вызывающие наибольшие сомнения относительно своей аутентичности, имеют убедительные соответствия в батеньковском эпистолярии. Особую привязанность сосланный декабрист питал к переносному употреблению слова *оазис*: «<...> я живу в таком сибирском оазисе, который совсем не занимается чужими делами»; «Это самый тихий оазис, сомкнутый в самом себе без брожения»; «<...> в вашей воле убраться из тайги и возвратиться на свой оазис» (Батеньков 1989, 288, 298, 352). Есть у Батенькова даже сочетание *оазис в пустыне*: «Город наш как отдельный оазис в пустыне» (1989, 399). Слово *фазис* в письмах встречается лишь единожды и в ином стилистическом контексте [«последний фазис кризиса» (1989, 267)], но это значение во времена Батенькова было не привычнее того, в котором данное слово выступает в сомнительных стихах<sup>43</sup>.

Вот еще несколько эпистолярных параллелей к стихам Псевдо-Батенькова: *Греха и блуда восхотев* [ср.: «Броневского пришли, когда восхочешь» (Батеньков 1989, 110)]; *Теперь, старик, свое отживший* [ср.: «<...> здесь я <...> виден как старик, отживший век <...>» (Батеньков 1989, 386)]; *Я разболтался непутем* [ср.: «Извини меня, что я разболтался так много <...>» (Батеньков 1989, 96)]; *Гонимого роком скитальца* [ср.: «<...> гонящий меня рок направил удары свои на самое основание моего покоя <...>» (Батеньков 1989, 187)]; *Святая славы тихий свет* [ср.: «Тут не безнадежность, не уныние, не сотрение себя, а тихий свет святой славы» (Батеньков 1989, 239)] и т. д. Отдельно остановлюсь на стихе, в котором при желании можно увидеть мировоззренческий анахронизм — идею обратимости времени: *Боюсь я: время обратимо*. На самом же деле автор, будь то Батеньков или его дерзкий соперник, опасается повторения прошлого в будущем: не дай Бог возвратится время тюремного заточения. Именно в этом значении глагол *обратиться* ‘вернуться’ употребляется в батеньковских письмах: «Калмыцкая артиллерия <...> рассеяна, хан обратился в свои уделы»; «<...> пусть вселенная обратится опять в хаос»; «<...> велено оставить порядок 1820 года и обратиться к 1809»; «<...> здеш-

нему поселянину и помыслить страшно обратиться в старый быт» (1989, 109, 177, 196).

Хуже подтверждается письмами поэтическая фразеология Псевдо-Батенькова, у которого устойчивые сочетания однозначных слов встречаются в полтора раза чаще, чем у подлинного Батенькова<sup>44</sup>. Правда, репертуар фразеологических повторов беден, и попадают они нечасто (в авторитетных текстах — один раз на 30 строк, в сомнительных — один раз на 18). Правда и то, что многие «идиомы» являются общими для текстов обеих групп: *безмятежный сон, лавры для венца (венцов), возвысить дух, гром(ы) Синая, древо жизни, утолить жажду, жар погас, точки звезд, своды неба (небес), сонм мужей, указать путь* и т. д. Некоторые из таких словосочетаний довольно прихотливы: *Был, есть и будет как в нуле* (Батеньков) — *Так было, есть и будет вечно* (dubia); *Глаз приобвыкший к свету твой* (Батеньков) — *Глаза издавна приобвыкли* (dubia); *Конца с началом сопряженья* (Батеньков) — *Начало сопрягу с концом* (dubia) и др. Но среди тех оборотов, что встречаются лишь в одной группе стихотворений, намного больше параллелей в эпистолярии имеют «идиомы», которые восходят к стихам несомненного Батенькова. Свыше половины его поэтических фразеологизмов, не встречающихся при этом в dubia, согласуются с речевой практикой батеньковских писем: *бессмертная душа* (*Душа бессмертная парит; Я тот же. Да. Бессмертная душа; Души бессмертной брэнна рама*)<sup>45</sup>; *Россия-мать* (*В холмах седых, Россия-мать; Я зрю тебя, Россия-мать; Россия, мать полубогов*)<sup>46</sup>; *небесный дар* (*Скажу: пропал небесный дар; Но всех даров небесных мера*)<sup>47</sup>; *слово жизни* (*И слово жизни не забылось; Проглянет слова жизни свет*)<sup>48</sup> и проч. В то же время из длинного ряда устойчивых словосочетаний, которые свойственны Псевдо-Батенькову в отличие от автора «Одичалого», в письмах употребляется лишь один (к тому же общеязыковой) оборот: *И слово истины ей скажет; Все слова сказаны*<sup>49</sup>.

Еще больше лексические различия между Батеньковым и Псевдо-Батеньковым явствуют из сравнения частотных словарей, что, впрочем, не слишком бросается в глаза при сопоставлении наиболее употребительных существительных, в число которых у обоих авторов попадают *мир* (22/13), *дух* (16/9), *небо* (16/13), *сила* (16/11), *ум* (15/10), *жизнь* (15/16)<sup>50</sup>. Прочие слова из начала батеньковского списка в dubia если не лидируют, то, по крайней мере, встречаются не раз и не два: *земля* (20/6), *душа* (19/6), *солнце* (19/6), *свет* (18/7), *путь*



(17/4). То же можно сказать о существительных, занимающих первые строчки в частотном словаре Псевдо-Батенькова: *покой* (6/9), *сердце* (12/8), *слово* (12/8). Равномерно в обеих группах текстов представлены прилагательные *новый* (13/6), *святой* (8/7) и *великий* (7/5). Слова *один*, *единый*  $[(25 + 7)/(4 + 4)]$  и *полный* (12/1) явно предпочитаются Батеньковым, слово *высокий* (1/6) — претендентом на его имя, а прилагательные *горестный* (0/5) и *прежний* (0/5) в подлинных стихах не отмечены.

Еще контрастнее становится картина, как только мы переходим к глаголам. Разумеется, там и там на первое место выходит слово *быть* (51/27) — это общеязыковая закономерность. То же происхождение имеет частая встречаемость глагола *сказать* (10/5): у Батенькова и в *dubia* он оказывается шестым среди слов данной части речи. Глагол *мочь*, как правило, уступающий только глаголу *быть*, стоит в частотном словаре на своем обычном месте только у автора «Одичалого» (17/1). Наоборот, систематически используемые в речи глаголы *знать* (5/7) и *стать* (2/6) у Батенькова достаточно редки. Один из самых повторяющихся его глаголов — *любить* (16/0) — у Псевдо-Батенькова не встречается совсем; с другой стороны, глагол *гордиться* (1/8), характерный именно для сомнительных текстов, в подлинных произведениях малозаметен. И только слово *дать* по числу вхождений (13/8) отчасти примиряет двух авторов<sup>51</sup>.

Останавливает на себе внимание большой разброс в употреблении личных и притяжательных местоимений. Как всегда, самое частотное из них — это *я*, однако в подлинных и сомнительных вещах доля его весьма различна. У Батенькова *я* + *мой* (72 + 21) составляют 1,8% словоформ; в *dubia* их в два с лишним раза больше — 4,3% (100 + 37). Различие становится и вовсе колоссальным, когда речь заходит о соотношении форм 1-го и 2-го лица. В частотном словаре местоимений у Псевдо-Батенькова за словом *я* сразу же идет слово *мой*, которое в подлинных произведениях делит со словом *свой* 10—11 место. Напротив, местоимение *ты* (42/4) в списке слов этой части речи у Батенькова занимает третью строчку, а в *dubia* — двадцать третью, и точно так же местоимение *твой* (30/12) с пятой позиции перемещается на двенадцатую. В оригинале *я* + *мой* употребляется чаще, чем *ты* + *твой* в 1,3 раза, а у Псевдо-Батенькова — в 8,6 раза. Выходит, что в его поэзии гипертрофированный субъективизм сочетается с чуть ли не полной безадресатностью (ср. Винокур 1990; Шапир 1990, 357—362)<sup>52</sup>.

Выражение субъекта и адресата в лирическом тексте — это только один из аспектов проблемы поэтического дейксиса. Кроме тех, что названы выше, в распределении дейктических форм в подлинных и сомнительных стихах есть и другие кричащие расхождения. Самое значительное из них сопряжено с частотностью указательных частиц и наречий, связанных с ориентацией в пространстве. У Батенькова частицы этого вида встречаются чаще вчетверо, а наречия — в два с половиной раза. Например, слово *вот* в подлинных стихах выступает 14 раз, из них 12 — в самом начале стиха: *Вот мне приветные цветы!*; *Вот камень, твердый и холодный*; *Вот грубиян язык народный*; *Вот путь единственный к воззренью*; *Вот сан поэта и удел*; *Вот в наготы его искусство*; *Вот Геркулес коснулся плуга*; *Вот солнце. Вкруг него вертится* и др. В *dubia* это слово использовано лишь однажды, да и то не в пространственном, а в усилительном значении: *Вот, о грядущем размечтался*. Частица *вон*, которая у Батенькова заявляет о себе 5 раз (*Вон там весной // Земли пустой*; *Вон там на воздухе висит*; *Вон там туман густой вдали*; *Смотри! Вон там орел летает*; *Смотри! Вон там под небом тихим*), автору сомнительных стихов вообще не понадобилась. И только указательная частица *се*, имеющая привкус штатного архаизма, у Батенькова появляется реже, чем у его соавтора: *Се кровы вышнего селенья* (Батеньков); *И се мир новый изваян*; *Се дар от пасынка-изгоя* (*dubia*).

Не иначе обстоит дело с наречиями: слово *там* у Батенькова зарегистрировано 25 раз, у Псевдо-Батенькова — только трижды; слова *тут* и *туда* в подлиннике повторяются по 4 раза, у Псевдо-Батенькова — ни разу, и т. д. Результаты говорят сами за себя, заставляя вспомнить о давнем предложении Н. А. Морозова (1916) опираться при определении автора на служебную и полуслужебную лексику: ее частое употребление, не вполне поддающееся самоконтролю, может благоприятствовать объективному решению проблемы.

**4.5.** Я думаю, что разный набор и еще больше разная частотность лексических и фразеологических единиц в произведениях Батенькова и Псевдо-Батенькова способны привести в смущение даже самых доверчивых читателей, в общем не склонных одобрять моего филологического скептицизма. Но здесь, как и на остальных уровнях поэтического языка, неповторимая идиоматичность достоверных и недостоверных стихотворений уживается с их разносторонним и притом нетривиальным сходством. Достаточно сказать, что из 1420 слов Псевдо-Батенькова лишь 377 не находят соответствия в подлинных стихах и пись-

мах — это всего 26,5% его «словарного запаса» (кстати, в стихах самого Батенькова незапараллеленных слов чуть больше — 26,8%). Поэтому именно специфичные для Псевдо-Батенькова лексические единицы должны быть в первую очередь подвергнуты сплошной и тщательной проверке на предмет анахронизмов, то есть форм, которых вообще не могло быть у Батенькова (ср. Виноградов 1961, 97—103).

Подавляющее большинство слов, не имеющих соответствия в батеньковских стихах и письмах, — 351 из 377 (93,1%) — зафиксировано словарями, вышедшими до рождения Батенькова или при его жизни<sup>53</sup>. Еще 14 слов: *вечнозеленый* (Гранат, стб. 189; Ожегов 1949, 63; ср. СЯ XVIII, 3: 91), *дотлеть* (ТС, I: стб. 788; ср. БАС, 3: стб. 1059), *дремотный* (АС, I<sub>III</sub>: стб. 1178; ср. ТС, I: стб. 800), *неживой* (ТС, II: стб. 505; ср. БАС, 7: стб. 866—867), *неосвященный* (БАС, 7: стб. 1022), *неприхотливый* (ТС, II: стб. 538; ср. БАС, 7: стб. 1105), *неторный* (БАС, 7: стб. 1217), *полуживой* (ТС, III: стб. 544), *пред-рассветный* (ТС, III: стб. 724; ср. БАС, 11: стб. 161), *прошеле-стеть* (БАС, 11: стб. 1548), *размечтаться* (ТС, III: стб. 1171; ср. БАС, 12: стб. 394), *сыздетства* (ТС, IV: стб. 624; ср. БАС, 14: стб. 1351), *трехсотлетний* (ТС, IV: стб. 795; ср. БАС, 15: стб. 941), *тягчить* (БАС, 15: стб. 1240) — хотя и были восприняты словарями лишь после смерти поэта, но употреблялись уже в первой половине XIX в. такими современниками Батенькова, как С. Бобров, Жуковский, Батюшков, С. Аксаков, Вяземский, Рылеев, Пушкин, Н. Павлов, Гоголь, И. Тургенев, Достоевский и др.

Чуть подробнее сто́ит задержаться на слове *сыздетства*, имеющем куда более долгую историю литературного употребления, чем это можно вывести из его лексикографического описания. Первая словарная фиксация этого слова состоялась в 1940 г. в IV томе «Толкового словаря» под редакцией Д. Н. Ушакова (литературные примеры там не приводятся). Большой академический семнадцатитомник иллюстрирует слово единственной цитатой — из рассказа Вересаева «В степи» (1901), притом что наречие *сыздетства* было знакомо уже Пушкину. Однако в «Словаре языка Пушкина» мы стали бы его искать напрасно: его там нет даже в виде отсылочной статьи. Пушкин писал это наречие в два слова, и потому в словарь вошла только форма *издетства* (СП, 197; НМСП, 84): <...> *И светлой Ипокреной // С издетства напоенный, // Под кровом вешних роз, // Поэтом я возрос* («Батюшкову», 1815); *Не буду вечером под шумом бури // Внимать ее рассказам, затверженным // С издетства мной* <...> («...Вновь я

посетил...», 1835; черновая редакция). Разумеется, Батеньков мог придерживаться такого же правописания (*съ издѣства*); в любом случае, присутствие этого и 13 других слов в стихотворениях, авторство которых под вопросом, не приближает нас к истине ни на шаг<sup>54</sup>.

Это же можно сказать о немногих псевдо-батеньковских окказионализмах (см. § 4.4), и потому я сразу перехожу к тем шести словам, которые не были отмечены ни у Батенькова, ни у его современников: это *надтреснутый* (ТС, II: стб. 346; ср. БАС, 7: стб. 178—179; примеры из Эртеля и Чехова), *неудачник* (Даль 1905, стб. 1401; ср. БАС, 7: стб. 1227; самое раннее употребление — в «Обрыве» Гончарова), *первооснова* (ТС, III: стб. 89; ср. БАС, 9: стб. 401; пример из Вересаева)<sup>55</sup>, *первопричина* (ТС, III: стб. 89; ср. БАС, 9: стб. 403; пример из Горького)<sup>56</sup>, *проникновенный* (ТС, III: стб. 970; ср. БАС, 11: стб. 1238; пример из «Братьев Карамазовых») и *прощально* (БАС, 11: стб. 1560; пример из Горького). За исключением последнего слова, элементарно образуемого любым носителем языка, все прочие, будучи использованными в стихах поэта-декабриста, могут с разной настойчивостью свидетельствовать против их аутентичности. К сожалению, современное состояние исторической лексикологии не позволяет утверждать ничего более определенного. Доказать, что данное слово в некоторый момент уже существовало, очень просто — для этого надо данное слово предъявить. Но как доказать, что слова не было, тем более если отсутствуют посвященные ему исследования?<sup>57</sup>

Единственное слово из шести, удостоившееся внимания ученых, — это существительное *неудачник*. Оно, резюмировал В. В. Виноградов, «не встречается в стилях русского литературного языка до середины XIX в. Оно не зарегистрировано ни Академическим словарем 1847 г., ни „Толковым словарем <...>“ В. И. Даля. Есть веские основания предполагать, что оно укрепилось в русском литературном языке 60-х годов, куда вошло из устных стилей речи разночинно-демократической интеллигенции» (1947, 8). Во многом соглашаясь с этими наблюдениями, их дополнил и уточнил Ю. С. Сорокин. Его предшественник писал, что «в народных <...> говорах известно слово *неудачник*, однако в применении к предметам» (Виноградов 1947, 9), а не к субъекту действия. Это согласуется со «Словарем русских народных говоров»<sup>58</sup>, но расходится со сведениями, которыми располагал Сорокин: «По данным И. К. Копаневича (материалы картотеки Словарного сектора), в отношении к лицу, не имеющему удачи, <это слово. — М. III.> употреблялось в говорах Псковской, Смоленской и Ленинградской об-

ластей (данные 20-х гг. XX в.)» (Сорокин 1965, 489). Виноградов упомянул о том, что «в „Обрыве“ И. А. Гончарова слово *неудачник* представлено как изобретение Марка Волохова, как его неологизм» (1947, 9), но только Сорокин со всей категоричностью подчеркнул, что это слово «впервые употреблено в „Обрыве“, после чего оно «начинает довольно часто мелькать в литературе» (1965, 489; Дин 1966, 219).

«Обрыв» Гончарова был напечатан в 1869 г.; псевдо-батеньковское стихотворение «Гордыня» (с *неудачником* в 7-й строке) Илюшин датирует 1860 г. Это делает крайне маловероятной принадлежность Батенькову соответствующего стихотворения (или строфы? или строки?). Конечно, если рассуждать теоретически, Батеньков мог позаимствовать слово *неудачник* из диалекта или просторечия, но практически немислимо, чтобы слово, в данном значении говорам почти не известное, а в литературе получившее вид на жительство с легкой руки Гончарова, вдруг выискалось у его старшего современника, да еще в составе конструкции «*н е у д а ч н и к* в чем-либо» (БАС, 7: стб. 1227):

А неудачники в любви?  
Чуть улыбнется им удача,  
Они, как сплетники, судача,  
Восславят подвиги свои.

(Илюшин 1978, 158)

Не случайно 17-томный словарь русского языка взял аналогичное словосочетание из недописанного романа Н. Островского «Рожденные бурей» (1935—1936).

Этот пример напоминает, что анахроничной может быть не только лексика, но и фразеология. Самый впечатляющий пример оборота, в устах Батенькова хронологически неуместного, извлекается из стихотворения «Узник», якобы написанного еще в Петропавловской крепости: *Стихами пухнет голова*. Выражение *голова пухнет* отсутствует в разных изданиях капитального «Опыта русской фразеологии» (Михельсон 1902—1903 и др.). По всей видимости, оно зародилось позднее: наиболее ранний пример его использования в художественной литературе, кочующий из словаря в словарь (см. БАС, 11: стб. 1765; ФС, 112), относится уже к эпохе культурной революции (Л. Соболев, «Капитальный ремонт», 1932). Нельзя, однако, обойти молчанием необычную для этой идиомы сочетаемость, ослабляющую эффект фразеологической шаблонности: у Псевдо-Батенькова *голова пухнет* не от чего, а чем — *стихами*.

Точно так же спустя десятилетия после смерти Батенькова превратились в стертые метафоры глаголы *захлестнуть* [об эмоциях: *Тоска мне душу захлестнула*; ср. близкий пример из Скитальца (БАС, 4: стб. 1057)], *лучиться* [о глазах: <...> *Но добродетелью лучится // Его проникновенный взор* <...>; ср. похожие примеры из Короленко, Горького и Вересаева (БАС, 6: стб. 405)<sup>59</sup>], *развевать* (также об эмоциях: *На миг развеяна тоска*; ср. БАС, 12: стб. 161; примеры на переносное употребление слов *развевать*, *развеваться* составители словаря смогли подобрать только из произведений Ф. Гладкова, Г. Радова и Г. Маркова)<sup>60</sup>. Другой виртуальный анахронизм связан с одним из значений слова *свершенье* во множественном числе (<...> *С тобою и сонмом великих мужей, // Бессмертным свершеньям причастных*): «Обычно *мн.* Осуществление больших замыслов, высоких стремлений» (БАС, 13: стб. 322; примеры из произведений В. Пановой и А. Твардовского).

Но, пожалуй, ни одно из лексико-семантических явлений не подрывает доверия к стихам Псевдо-Батенькова с такой силой, как появление в них слова *камера* в значении 'помещение для арестантов': <...> *А где-то в камере глухой // Томится узник одичалый* («Узник»). Это слово вошло в русский язык в самом конце XVII в., но поначалу имело другие значения (СЯ XVIII, 9: 223—224), например 'палата депутатов'<sup>61</sup>. То значение, в котором данное слово выступает в стихотворении «Узник» (1820—1840-е годы?), пробилося в общелитературную речь позднее, во второй половине XIX в. Из лексикографического описания в академическом словаре, выходявшем отдельными выпусками начиная с 1891 г., можно понять, что в начале века это значение еще не утратило некоторого привкуса новизны: «*Стар.* Горница, уборная <...> Покой, комната <...> Въ наше время *сл.* *ка́мера* примѣняется главнымъ образомъ <...> къ помѣщеніямъ для арестантовъ въ тюрьмахъ» [АС, IV; стб. 296; источниками цитат для авторов словаря послужили «В мире отверженных» П. Якубовича-Мельшина (1893), «Воскресение» Л. Толстого (1899) и «Как я ездил на Сахалин» В. Дорошевича (1903)]. Судя по всему, пенитенциарное значение возникло как тюремный арготизм и вряд ли получило повсеместное распространение раньше 1880-х годов. Косвенно на это указывают многочисленные словари иностранных слов, в частности 60-тысячный словарь, составленный И. Ф. Бурдоном и А. Д. Михельсоном (1880), в котором среди шести значений слова *камера* нет того, которое интересует нас<sup>62</sup>. Оно проникает в 4-е издание «Карманного словаря ино-

странных слов» (Гавкин 1894, 172; ср. СУИС, 108) и только в 17-е издание словаря Н. А. Дубровского (1901, 311; ср. 1900, 208). Впервые в русской лексикографии это значение — «отдѣленія въ тюрьмахъ для помѣщенія арестантовъ» — было закреплено, видимо, «Новым сло-отолкователем» в 1878 г. (НС, 359). Тем не менее как узко терминологическое оно, вне всякого сомнения, сформировалось несколькими десятилетиями раньше: так, уже в 1862 г. оно не один десяток раз дает о себе знать в тюремных очерках Лескова<sup>63</sup>.

Нам неизвестно, однако, успело ли это значение войти в язык еще до восстания декабристов: в их мемуарах для наименования арестантских помещений используются слова *каземат*, *номер*, *комната*, даже *квартира*, но слово *камера* отсутствует. Оно встретилось мне единственный раз в воспоминаниях Н. И. Лорера, над которыми он работал в 1862—1867 гг.: «Еще одно тюремное заведение меня чрезвычайно возмущало. Это то, что часовой у дверей беспрестанно приподнимал какую-то тряпицу, которой завешено было окошечко в дверях<, > и заглядывал ко мне в камеру» (Нечкина 1931, 100—101). Но в издании 1931 г. и во всех последующих *камера* — это результат текстологической ошибки. Вариант первой публикации — *въ каморку* (Лорер 1904, № 6: 50) — ближе к рукописи, где отчетливо читается: «<...> и заглядываль ко< >мнѣ въ коморку» [РАН, ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»), оп. 1, ед. хр. 364, л. 65 об.]. Поэтому до тех пор, пока среди автографов кого-нибудь из декабристов не сыщется слово *камера* — а скорее всего, этого не случится, — мы не можем считать стихотворение «Узник» подлинным произведением Батенькова. Вместе с тем нельзя исключить, что текст, напечатанный Илюшиным, — это следствие не целенаправленной фальсификации, но ошибки, подобной той, которую М. В. Нечкина допустила в 1931 г.

Как видим, обнаружить слова, которых заведомо не могло быть у Батенькова, очень трудно, но даже когда они найдены, отсюда (как и в случае с *камерой* у Лорера) не вытекает автоматически вывод о неподлинности текста в целом. Кроме того, не будем забывать, что знания, имеющиеся в распоряжении исторической лексикологии и лексикографии, часто ненадежны и почти всегда — недостаточны. Подлинная история слов несравненно богаче той, что рисуют исследования и словари, и один из авторов, сулящих самые неожиданные открытия, — это подлинный Батеньков. В его собственных ранних стихах, в отличие от приписываемых поздних, действительно нет слов, «опережающих время», вроде *первоосновы* или *первопричины*. Но зато в его

письмах, написанных после освобождения из крепости, эти слова в избытке: *дескриптивный* (Батеньков 1989, 290; ср. СИС-6, 203), *дисциплинированный* (Батеньков 1989, 378; ср. АС, I<sub>III</sub>: стб. 1037), *материковый* (Батеньков 1989, 316; ср. ТС, II: стб. 160), *прогрессивно* (Батеньков 1989, 272, 377; ср. БАС, 11: стб. 1012), *циклический* (Батеньков 1989, 378; ср. СИС, 634) и др.<sup>64</sup> Но, наверное, более всего в батеньковском лексиконе поражает слово *изотоп* [< греч. ἴσος 'равный, одинаковый, подобный' + τόπος 'место'], фиксируемое лингвистическими словарями с 1956 г. (БАС, 5: стб. 239; ср. Шпольский 1933). Что понимал Батеньков под *изотопами*, решить непросто, но уж, конечно, не разновидности одного химического элемента с разным атомным весом: «Когда эта божественная искра рассеет окружающий ее мрак, сольется воедино с волей и устремится к своему изотопу <то есть к Богу. — М. Ш.>, тогда начинается бессмертие. Свет во тьме светится, и тьма не объемлет его» (Батеньков 1989, 262; из письма А. П. Елагиной от 17.VIII 1850). Воистину, когда имеешь дело с Батеньковым, следует быть готовым ко всему!

## 5. Заключение

**5.1.** Моя работа подходит к концу, но не потому что я исчерпал тему — сравнительное исследование текстов можно было бы расширять и углублять, — а потому что дальнейшая работа при нынешнем уровне развития науки, по сути, ничего не прибавит к тому, что и без того ясно: в языке и поэтике Батенькова и автора сомнительных стихов принципиальное сходство оттеняется не менее принципиальными расхождениями. Допускаю, что продолжение исследования могло бы показать, что различия между достоверными и недостоверными произведениями Батенькова еще глубже и затрагивают едва ли не все стороны поэтической структуры, но сомневаюсь, чтобы среди этих различий нашлись такие, которые на вопрос, поставленный в начале статьи, могли бы дать недвусмысленный и непререкаемый ответ.

Так, я почти не касался проблем микро- и тем более макросемантики Батенькова и Псевдо-Батенькова. Однако, не слишком рискуя ошибиться, можно заранее предвидеть, что в этой области своеобразии подлинных стихов в наибольшей мере окажется связанным с их семантической непроницаемостью. В случае с Батеньковым наивный вопрос — о чем эти стихи? — может смутить даже искушенного читателя:



Для ищущих даровъ и силы  
 Въ тѣни указана стезя.  
 Обрушиться въ жерло могилы —  
 И по стѣнамъ ея скользя,  
 Внимать лишь свистъ пустынной трости.  
 Чтобъ риза кожанная, кости  
 Оставила душѣ нагой.  
 Кто имя новое узнаеть,  
 Нося печати воскресаетъ  
 Мироточивою главой.

«Таинства»<sup>65</sup>

Хотя каждая строка в отдельности и некоторые группы строк понятны, текст в целом невразумителен.

Общепризнано, что сочинения Батенькова «темны и запутаны» (Венгеров 1891, 227; Гершензон 1916, 25—26; Модзалевский 1918, 153; Снытко 1956, 296, 310; Чернов 1933, 83; Топоров 1995, 449). И не мудрено: в одиночном заключении «он отвык выражать свои мысли в форме, понятной для других; рукописи Батенькова 1840—1860-х годов поражают туманным изложением» (Снытко 1956, 296). Поэт вспоминал, что сразу после освобождения он был «как дикой. Даже едва умел ходить, а видеть и говорить вовсе отвык» (Батеньков 1989, 246). «Онъ заблылъ», как сообщает Н. В. Гербель, «нѣкоторыя обыкновенныя слова, напимѣръ: тараканъ» (Батеньков 1862, 52). Княгиня М. Н. Волконская тоже рассказывает о том, что по выходе из тюрьмы Батеньков «оказался совсѣмъ разучившимся говорить: нельзя было ничего разобрать изъ того, что онъ хотѣлъ сказать; даже его письма были непонятны» (1904, 102).

Сказанное о батеньковской прозе верно и по отношению к стихам. В набросках к «Нескладному роману» (1855) бывший узник Петропавловской крепости писал: «Я философъ, и философъ такой страшной, что читателю неловко, несладко, опасно и даже неприлично со мной спорить <...> Я поэтъ<,> и< >поэзія моя не легче моей философіи» (РГБ, ф. 20, к. 1, ед. хр. 7, л. 1). Сказать о себе того же, я полагаю, Псевдо-Батеньков не мог бы: стихи его прозрачны насквозь, от первого до последнего слова (см. § 4.3), хотя и созданы, казалось бы, в те же 1840—1860-е годы. Но значит ли это, что написал их кто угодно, только не Батеньков? Нет, потому что «тяжесть, громоздкость, неуклюжесть, замедленность, архаичность, теснота <...> присущи <...> не всем <...> текстам Батенькова», «и даже не большинству» (Топоров 1995, 449—450): среди подлинных произведений есть не

только мелкие стихотворения, но и целая поэма («Одичалый»), пронзительно ясная от начала и до конца<sup>66</sup>.

И в стихах, и в письмах Батеньков очень разный, сам на себя не похожий. Вот лишь несколько образцов его эпистолярного стиля периода томской ссылки. Для начала — философская невнятица из письма к А. П. Елагиной (24.V 1849): «Громады доселе не были поняты, оставались неприступными разуму и не выражены. Пятьдесят лет теперь громады в движении и болезни. Они же и родят, бог даст, понятие, и наука узнает, чего искала» (Батеньков 1989, 249). Теперь деловая проза из письма к Ф. В. Булгарину (конец 1855): «При забивке шпунтовых свай, кантованных в рамы, нужны основательные правила для фланговых укреплений и поворотных мест, особо перпендикулярных и особо наклонных как по продолжению стены, так и по концам» (Батеньков 1989, 373). Далее, малозначащие бытовые пустяки из письма к Н. Д. Свербееву (2.V 1856): «Не знаю, как у вас, а здесь сердечные дела развиваются быстро, и второе после пасхи воскресенье застало все романы конченными, эпизоды отброшены в сторону, и общественная стезя потянула молодых вдаль и вдаль по своим рельсам» (Батеньков 1989, 391). Наконец, фрагмент с истинно поэтической образностью — горькая самоирония по поводу собственной невостребованности: «Оставаться сфинксом в пустыне, право, не лестно, хотя бы какие-нибудь бедуины и огребали наносимый ветром песок и странник по временам дарил бы любопытным взглядом» (Батеньков 1989, 320; из письма к Н. Д. Свербееву от 2.V 1856). По своей выразительности последний пассаж не уступает многим стихам Псевдо-Батенькова.

Еще один аспект поэтики, оставленный мною без рассмотрения, — это цитатный слой. Но нужно ли доказывать, что любые «автореминисценции» истолковываются в обе стороны (если, конечно, речь не идет о совпадениях с подлинными произведениями, которые не могли быть известны Илюшину)? Самая крупная из таких реминисценций связана с текстуальными, композиционными и смысловыми переключками между стихотворением «Раздумье» и батеньковским письмом к А. П. Елагиной от 15.XII 1854:

*Письмо к А. П. Елагиной*

«Морозная, но ясная лунная ночь, съ  
блескомъ несчетныхъ звѣздъ, проника-  
етъ черезъ не закрытыя ставнями окна  
въ не освѣщенные покои моего жилья;  
Горы и лѣсъ составляютъ раму карти-  
ны, от которой я едва оторвался, пре-

*«Раздумье»*

Сижу задумчив у окна.  
В неосвещенные покои  
Ко мне с небес глядит луна;  
Искрятся блестками обон  
На стенах моего жилья...  
Не в царстве ли волшебном я?

давшись мечтѣ и думамъ. Я одинъ: домикъ мой теплъ и уютенъ; все, что мнѣ нужно со мною. Отъ чего же тяжести на< >душѣ и молитва, а не восторгъ ея состояние? — Не напрасно ли я опять вошолъ въ жизнь и всосалъ въ себя ея тревоги и горести? Пребывая нѣкогда съ однимъ Богомъ, я забылъ что люди мучатся и умираютъ; ихъ всѣхъ не стало передо мною въ одинъ день, и я могъ уже себя чувствовать свободнымъ, какъ отрѣшонный отъ тѣла <...> Настала пора жалѣть и объ этомъ, съ наружи могиальною времени<sup>67</sup>.

И ночь морозная, и горы,  
И снегом занесенный лес,  
И вечный звездный свод небес —  
Все, все мои ласкает взоры:  
Прекрасен мир, явленный мне  
Картиной чудною в окне...

Но не восторг душой владеет <...>

В тюрьме провел я много лет,  
С единым пребывая богом...  
Почто ж опять я вышел в свет,  
К людским заботам и тревогам? <...>

Их всех не стало передо мною  
В единый миг. Их миру чужд,  
От общих отрешенный нужд,  
Я жизнью уж дышал иною —  
Свободен был <...>

О днях былого заточенья  
Пора настала пожалеть...

С одной стороны, Илюшин мог прочесть в архиве письмо Батенькова, а затем, вдохновившись его образами и проникнув в его ритмическую структуру, — сочинить стихотворение «Раздумье». Но, с другой стороны, каким незаурядным и своеобразным талантом надо обладать, чтобы, не слишком удаляясь от источника, переложить батеньковскую прозу в стихи? И не проще ли предположить, что Батеньков сначала написал стихи и уже затем сам превратил их в прозу? Именно так считает В. А. Попов, автор неопубликованной работы о «Тюремной песни» (см. Шапир 1997, 97). Лишний довод в пользу этой гипотезы, высказанный исследователем в частной беседе, он усматривает в другом батеньковском письме, адресованном А. А. и А. П. Елагиным (17.III 1820): «Я переплывал воды Байкала, перенесся величайшие пространства, обозревал природу во всем ее величестве. Но ежели ценою сих, столь бесплодных наслаждений купил я охлаждения ко мне друзей моих, то имею я право жаловаться на свое несчастье и, бросая страннический посох, сожалеть о безрассудном к нему пристрастии» etc. (Батеньков 1989, 144). В этом письме можно разглядеть не только целые строки или отрывки строк 4-стопного ямба [но ежели ценою сих; ...купил я охлажден<ье>; ...ко мне друзей моих; ср. в предыдущем письме: в неосвещенные покои; их всех не стало п(е)редо мною], но также точные и неточные рифмы (сих : моих; \*наслаждений : охлаждение; \*на несчастье : о пристрастие). Что если Батеньков вообще имел обыкновение переписывать стихи прозой?

При решении вопроса об авторе полезнее внутренних реминисценций могут стать реминисценции внешние: они скажут, не ориентировались ли авторы подлинных и сомнительных произведений на разные литературные образцы. В стихах Батенькова главным объектом цитирования была поэзия Державина (Снытко 1956, 310; Илюшин 1978, 78—79, 161), следы влияния которой у Псевдо-Батенькова встречаются намного реже. При этом в каждой группе текстов есть лишь по одной явной ссылке на Державина, точнее на его оду «Бог» (1784):

Когда возторженный душою,  
Державинъ звѣзды свѣше зрѣлъ,  
Какъ въ мразный, ясный день зимою  
Пылинки инея — удѣлъ  
Ему тотъ данъ для миллионовъ <...>

«Тюремная песнь»<sup>68</sup>

И — с чем остаться? Рек Державин:  
«Я царь, я раб, я червь, я бог!»  
Но кто ж царю и богу равен?  
«Я раб, я червь» — таков итог <...>

«Гордыня»<sup>69</sup>

В связи с этим целесообразно выяснить, например, сколько всего цитат и реминисценций из этой державинской оды можно усмотреть в аутентичных и неаутентичных стихах:

Д е р ж а в и н <sup>70</sup>

Живѣй въ движенъи вещества  
Духъ, всюду сущій и единый  
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь вѣкъ  
Ее содержишь и живишь  
Конецъ съ началомъ сопрягаешь  
Какъ въ мразный ясный день зимой  
Пылинки инея сверкають <...>  
Всегда паренъемъ въ высоты  
Частица цѣлой я вселенной  
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ  
Умомъ громамъ повелѣваю  
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ

Б а т е н ь к о в

Где нет движенъи веществу  
Дух самобытнѣй и повсюднѣй  
Был, еси и будет как в нуле  
Ты все возносишь и живишь  
Конецъ с началомъ сопряженъе  
Как в мразный, ясный день зимою  
Пылинки инея — удел <...>  
И воспари на высоты  
Когда один я во вселенной  
Существ явленіе небесныхъ  
Велишь громам, чтобы покорно  
Уязвленный грехом, страдаю,  
Мучитель, мученик, но царь

В дополнение ко всему этому, державинская рифма *вещества* : *Божества* отозвалась у Батенькова в созвучиях *веществу* : *божеству* и *божества* : *вещества*.

Если у подлинного Батенькова прямые отголоски оды «Бог» слышны по меньшей мере в дюжине строк, то у Псевдо-Батенькова — в четырех:

## Д е р ж а в и н

Кто все собою наполняет  
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ  
Конецъ съ началомъ сопрягаешь  
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ

## D u b i a

Собой вселенну наполняя  
Так было, есть и будет вечно  
Начало сопрягу с концом  
Я царь, я раб, я червь, я бог

Из этих четырех параллелей три последних одновременно отсылают к подлинным стихам Батенькова, причем вторая с конца имеет так же неоднократные соответствия в его прозе (см. Топоров 1995, 472—473 примеч. 30; ср. Батеньков 1989, 302, 365).

Интересно, что цитаты и реминисценции ведут себя в этом отношении точно так же, как единицы других уровней поэтического языка. В частности, словарь державинской оды (277 слов) на 44% совпадает с лексикой, общей для достоверных и недостоверных произведений Батенькова. Помимо этого, общими только для Державина и Псевдо-Батенькова оказываются лишь 15 слов (5,5%), тогда как 55 слов, общие для Державина и подлинного Батенькова, составляют почти 20% словаря оды «Бог». В *dubia* отсутствуют многие лексемы, органичные для поэтической космологии Державина и Батенькова: *благодарный, величество, величье, вечность, вещество, взнестись, воображение, всегда, громада, довременный, жить, зиждить, источник, миллион, небесный, неизмеримость, основать, повсюду, почтенный, природа, простирается, пространство, светить, связать, содержать, создание, создатель, создать, существо, сущий, творенье, творить, телесный, хаос, число* и др.

Меньшая зависимость от поэтики и стилистики державинской оды оттеняется в *dubia* цитатами и реминисценциями из младших поэтов. Заимствования из поэмы Рылеева «Войнаровский» (1823—1824) или из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) оговорены в примечаниях Илюшина (1978, 119, 163), но другие аллюзии комментатор обошел стороной. Из них не укрылись от рецензентов лишь дословные совпадения между «*Non exegi monumentum*» и Баратынским (Шапир 1997, 95—96; ср. Немзер 1980, 264; Неумоина 1980, 69), а также между «Гордыней» и Тютчевым (Неумоина 1980, 69). Еще не стали предметом обсуждения две цитаты из «Евгения Онегина», контаминированные Псевдо-Батеньковым в стихотворении «Великий муж»:

И ум великий, ум могучий,  
В пустом бездействии томясь <...>

Дурных кипение страстей.

Ср. у Пушкина: <...> *С его озлобленным умом, // Кипящим в действии пустом* (7, XXII, 13—14); <...> *Томясь в бездействии досуга* <...> (8, XII, 12). Кроме того, в «Гордыне» ассимилирован оборот, извлеченный из пушкинского «Пророка» (<...> *не утоляет // Духовной жажды в жаркий зной*), а в стихотворении «Раздумье» — рифма, памятная по 2-й главе «Евгения Онегина»: *В неосвященные покои* <...> *Искрятся блестками обои* [ср.: *Везде высокие покои, // В гостиной штофные обои* <...> (2, II, 5—6)]<sup>71</sup>.

Еще менее вяжутся с нашим представлением о Батенькове хрестоматийные лермонтовские интонации (никаких признаков интереса к творцу «Героя Нашего Времени» в батеньковских письмах при этом не осталось): *Есть разгуляться где на воле* («Бородино», 1837) — *Есть разгуляться где морозцу* («Оттепель в Уткине»); *И прежний сняв венок, — они венец терновый* («Смерть поэта», 1837) — *И сняв с главы венец терновый* («Исход»<sup>72</sup>); *Что же мне так больно и так трудно?* («Выхожу один я на дорогу...», 1841) — *Что ж мне так грустно, не знаю* («Утром уеду отсюда...»); *Что ж мне так душно и жар пылает в моей голове?* («Москва»). И совсем уже странно смотрится один и тот же образ в стихах Плещеева «Лжеучителям» (1862) и в оде «Гордыня», написанной, по легенде Илюшина, за два года до этих стихов (ср. Гришунин 1998, 276): *А ваши плевелы сгниют* (Плещеев) — *Они, как плевелы, сгниют* (*dubia*).

И тем не менее коренных различий в структуре цитатного слоя также недостаточно, для того чтобы безапелляционно отвести авторство Батенькова. Во-первых, цитаты из боготворимого им Державина в псевдо-батеньковских стихах всё-таки есть: например, автор «Non egegi monumentum» гораздо больше отталкивается от державинского «Памятника», нежели от пушкинского. Во-вторых, смену поэтических ориентиров пережил, кажется, и сам Батеньков: так, первое же стихотворение, написанное им в мае 1846 г. вскоре по приезде в томскую ссылку («Надежда»), во многих отношениях не свободно от влияния пушкинского отрывка «...Вновь я посетил...». Спустя долгие годы попав изгнанником туда, где в молодости он жил на свободе, лирический герой Батенькова задумывается «о времени и о себе»:

Все та > же Томь хрящъ роетъ и несеть;  
Струить свои морщины молодья <...>

Все то< >же Солнце, Звѣзды и< >Луна  
 И< >непрерывная Заря. Лишь гость,  
 Едва примѣченный, порой промчится.  
 Все то< >же здѣсь: но я-то тотъ же ли?..  
 Уже полвѣка грудь мою стѣснили,  
 Скорбей и бѣдствій полные <...>

Я тотъ же. Да. Безсмертная душа  
 Не знаетъ старости <...><sup>73</sup>

Ср. у Пушкина: <...> *Увидел их опять. Они всё те же, // Всѣ тот же их знакомый уху шорох;* <...> *Я проезжал верхом при свете лунном <...>; <...> И сам, покорный общему закону, // Переменился я <...>*

Даже сходство между стихами Батенькова и Плещеева не имеет «юридической силы». С одной стороны, теоретически Плещеев мог познакомиться с одой «Гордыня» — была же она, если Илюшин не выдумал, послана С. П. Трубецкому (Шапир 1997, 90—91). С другой стороны, данная «цитата», как и любая другая из перечисленных, может оказаться мнимой. За примерами далеко ходить не надо: их предоставляет поэзия самого Батенькова. Так, строка его раннего экспромта — *И, словом, всегда везде* («В какой бы ни было беседе...», 1817) — никак не может быть цитатой из 4-й главы «Евгения Онегина» (1823—1824): *Товарищ всегда, везде* (XLVI, 11). Наоборот тоже быть не может: стихотворение Батенькова впервые напечатано в 1936 г. Это же касается всех параллелей между Батеньковым и Мандельштамом: *И чувство чувства не поймет* («Одичалый») — *И, сердце, сердца устыдись* («Silentium»); *Душа туда лететь стремится* (из письма к А. П. Елагиной<sup>74</sup>) — *Туда душа моя стремится* («Еще далёко асфodelей...») и др.<sup>75</sup> Разумеется, не является цитатой и совпадение батеньковской строки *Течет красавица Нева* («Тюремная песнь») с первой строкой стихотворения Д. А. Пригова: *Течет красавица Ока*.

**5.2.** Последовательно проходя все уровни поэтического языка, мы снова и снова попадаем в один и тот же логический тупик: получается, что почти на каждый аргумент существует свой контраргумент (конечно, это лишь до тех пор, пока стремление к объективности мешает нам, тенденциозно высвечивая одни факты, выносить за скобки другие). Каковы бы ни были схождения и расхождения между Батеньковым и Псевдо-Батеньковым, они не дают поставить точку в вопросе о принадлежности стихов, приписываемых поэту-декабристу. Любые совпадения между разнородными группами текстов всегда можно объяснить

тем, что мистификатор держал в уме подлинные произведения подделываемого автора, и с другой стороны, любые несовпадения с не меньшим успехом можно объяснить метаморфозами, которые личность Батенькова претерпела в тюрьме и ссылке. В сущности, всё это означает, что в области атетезы и атрибуции филологическая критика текста, по большому счету, бессильна — во всяком случае там, где есть вероятность преднамеренной стилизации (ср. Берков 1958, 185).

К этому неутешительному выводу меня, наряду с собственным исследованием, подталкивает печальный опыт коллег<sup>76</sup>. Кто знает, сколь глубоким должен быть разрыв между памятниками, чтобы они ни при каких условиях не могли принадлежать одному автору? «Бывает так, — писал полвека назад В. Кайзер, — что два произведения одного и того же поэта совершенно различны по стилю и по содержанию (*zwei Werke des gleichen Dichters völlig verschiedenen Stil haben, völlig Verschiedenes ausdrücken*)» (Kayser 1948, 284). Сравнивая произведения в целях атрибуции, мы негласно исходим из предположения об относительной однородности текстов, написанных тем же самым лицом. Но эта презумпция, не имеющая под собой прочных оснований, в нашем случае несостоятельна полностью. Различия между ранним и поздним Батеньковым не только могут, но и должны быть чрезвычайно большими: изменилось время, изменился поэт, изменились его стихи<sup>77</sup>. Это, однако, касается прежде всего различий количественных, и притом взятых изолированно, — качественные различия вкуче со множественными анахронизмами сбрасывать со счетов нельзя. Внутренняя и внешняя противоречивость поэтического языка Псевдо-Батенькова: его ультрановаторство в одном и утрированная архаичность в другом (всё это, разумеется, лишь по сравнению с настоящим Батеньковым), сопровождаемые грамматическими и лексико-семантическими несообразностями и помноженные на полную трансформацию субъектно-объектных отношений (я имею в виду частичную утрату формально выраженного собеседника и выпячивание лирического я), — всё это сообщает версии о подделке неоспоримые преимущества. При любом раскладе их должно хватить для того, чтобы не потчевать больше доверчивую публику сомнительными стихами под видом подлинных. Место всех произведений, извлеченных на свет из полумифической тетради, — в лучшем случае, в «Dubia».

Из вышесказанного, однако, следует, что всякая мистификация поддается филологическому разоблачению лишь благодаря ошибкам мистификатора. Но, во-первых, они потенциально устранимы: критика те-



кста может быть направлена не на установление истины, а на ее сокрытие. А во-вторых, ошибки мистификатора могут быть поданы как ошибки публикатора (ср. § 4.5), и в ситуации с поэтическим наследием Батенькова поводов для этого более чем достаточно. Сличение текстов, помещенных в издании 1978 г., с печатными и рукописными источниками показывает, сколь небрежен в подготовке текста бывает иной раз Илюшин. Он печатает, например: *Господь его спаситель!* вместо *Покой его Спаситель!*; *Случится встретить старика* вместо *Случится встретить старичка*; *Природа в сиротстве рыдает* вместо *Пустыня в сиротстве рыдает*; *Где закатается луч пленный* вместо *Где закатается мир пленный*; *Небесного благословенья* вместо *Небесного благословенья*; *Уханья хором раздавались* вместо *Уханья хором разливались*; *И старец бедный с сединой* вместо *И старец бодрый с сединой*; *Чужим она не достается* вместо *Чужим она не раздается*; *Порвет Хвалынские преграды* вместо *Порвет Хвалынского преграды*; *Сведешь на бледное чело* вместо *Сведешь на светлое чело*; *Не подавил во мне кумир* вместо *Не подавит меня кумир*; *В кольцо за ним свернется злая* вместо *В кольцо за ним совется злая*; *Дотронется до горностая* вместо *Дотронется ли горностая*; *Союз любви и сонм священный* вместо *Союз любви и долг священный*; *Глотать и всех желаний сажу* вместо *Глотая всех желаний сажу*; *Рабе смиренной радость многа* вместо *Рабе смиренной милость многа*; *И обнял мысли существо* вместо *И понял мысли существо*; *Под чашей вечного <...>* вместо *Под чашей Вечною <...>*; *Лишь гость <...> давно промчится* вместо *Лишь гость <...> порой промчится*; *Я все ждусь* не дождуся желанного дня вместо *Я все жду* не дождуся желанного дня<sup>78</sup>; *Научите*, к которой пристать стороне вместо *Не учите*, к которой пристать стороне; *В твоих пределах* дня светило вместо *В твоих уделах* дня светило; *Закон* любви на нем основан вместо *Завет* любви на нем основан; *Сатурна косу в ток расправит* вместо *Сатурна косу в ток расплавит*<sup>79</sup> и т. д. (еще ряд примеров см. Шапир 1997, 122 примеч. 36 и др.). Сходным образом на месте слова неудачники в батеньковском автографе запросто могло стоять неудачливый, а на месте формы преградивы, — преградивша или преградивши. Но если даже те или иные строки были вольно или невольно «отредактированы» Илюшиным наподобие катенинского перевода из Данте (Шапир 1997, 94), этого мало, чтобы раз и навсегда удостовериться в неподлинности всего корпуса сомнительных произведений.

Многие филологи уверяют, что «возможен путь от писателя к языку» и «от языка к писателю» (Винокур 1959, 237, 238). Для этого в речевой практике, предположим, Пушкина должны «быть установлены известные своеобразия, например, такие привычные для его писем выражения, как „брюхом хочется“, „пишу спустя рукава“ (то есть без оглядки на цензуру) и т. п., по которым мы узнаем Пушкина точно так же, как мы узнаем его по манере мыслить, по его отношениям к людям и природе, по всей той множественности примет, которые в их общей совокупности и связи мы именуем словом „Пушкин“. Изучение языка <...> Пушкина в этом направлении превращается в одну из проблем биографии и <...> Легко <...> видеть, какое большое <...> прикладное значение имеет подобное изучение языка писателя <...> для различных проблем, так или иначе имеющих дело с писателем как личностью, как носителем тех или иных индивидуальных свойств. Достаточно здесь сослаться хотя бы на задачи филологической <кри>тики текста, в особенности — на те задачи, которые возникают перед ней, когда она устанавливает авторство» (Винокур 1959, 237—238; Шапир 1990, 326)<sup>80</sup>.

Я бы с радостью присоединился ко мнению Винокура, если бы мог утвердительно ответить на вопрос, существуют ли среди проявлений языковой индивидуальности те, что в принципе не подвержены подделке. И напротив, не облегчают ли «типические формы авторского поведения» (Винокур 1927, 81) уже самой своей характерной типичностью задачу стилизатора и фальсификатора? Всё изменчивое, уникальное, неповторимое не дает пищи для сравнения; всё устойчивое, повторяющееся, воспроизводимое поддается отвлеченному тиражированию. То, что кажется нам неотъемлемой принадлежностью личного стиля, на поверку может оказаться в общем пользовании носителей языка: в частности, выражение *брюхом хочется*, по которому, если следовать Винокуру, мы должны были бы «узнать Пушкина», В. И. Чернышов (1935, 401) обнаружил у Толстого — в его письме к Н. Н. Ге (25. II 1887)<sup>81</sup>.

В силу этого нам, возможно, никогда не удастся схватить за руку такого мистификатора, который сумеет избежать грубых ошибок. Но так как мистификаторы — люди, а *errare humanum est*, филологической критике текста имеет смысл продолжать свое дело. Вместе с тем трудности, возникающие на пути поисков автора, могут показаться хотя бы временно непреодолимыми, поскольку «человеческая личность не полностью идентична творческой личности художника» (Kauzer

1948, 288, ср. 276): автор как реальный физиологический и психологический субъект не находит прямого, безусловного, органического отражения в тексте (либо такое отражение недоступно нашему умственному взору), а все прочие, исторические, культурно опосредованные формы выражения автора могут отчуждаться от одного субъекта речи и усваиваться другим. Бюффон научил нас, что «стиль это человек (*le style c'est l'homme même*)», но выводить человека из стиля мы пока не умеем (ср. Kayser 1948, 40—45, 281—289)<sup>82</sup>.

Итак, благодаря долгим разысканиям мы можем твердо сказать, чем отличаются друг от друга язык и поэтика разных текстов, но, к сожалению, мы всё ещё не в состоянии, исходя из их языка и поэтики, сделать научно приемлемого заключения об их авторе — в качестве реального объекта изучения его для филологии не существует (и это при том что содержание произведения меняется в зависимости от того, как мы представляем себе писателя: автор непременно входит в широкий контекст, определяющий семантику текста). Несмотря на всю привлекательность проблемы автора для науки XX в., творческий субъект, как и раньше, остается научной фикцией. Мы, по сути, не знаем, о чем говорим, выдавая различия между текстами за различия между их создателями, хотя последние для нас являются всего лишь «бирками» на текстах. Потеряв такую «бирку», мы рискуем никогда не узнать, кому в действительности данный текст принадлежит (ср. Kayser 1948, 288).

Вдобавок к общим соображениям философско-методологического свойства исследование недостоверных произведений Батенькова провоцирует на некоторые частные размышления историко-литературного характера. Если согласиться с тем, что перед нами подделка (в чем я лично не сомневаюсь, хотя признаю, что не смог этого доказать), не исключено, что в случае с Псевдо-Батеньковым мы стоим перед фактом самой искусной русской литературной мистификации. Она значительна не только по объему и по удачливому воплощению замысла: на протяжении 20 лет специалисты единодушно принимали за чистую монету 716 стихотворных строк, реальный автор которых, вероятно, родился на полтора столетия позже номинального<sup>83</sup>. Не меньшее значение для отечественной словесности эта мистификация имеет благодаря ярким поэтическим достоинствам. Ее создателем не двигали ни корысть, ни идеология: у «преступления» не было других мотивов, кроме чистой любви к искусству (и потому его так трудно раскрыть). О том, что любовь эта не осталась безответной, говорят отзывы критиков,

которые сомнительные произведения не обинуясь поставили выше подлинных<sup>84</sup>. Впрочем, чьи бы эти стихи ни были, они успели уже стать явлением русской поэтической культуры.

Помимо эстетического удовольствия, которое нам способна доставить иная литературная мистификация — как не вспомнить тут Макферсоновы «Поэмы Оссиана» или «Песни Роули» Чаттертона, — мы должны быть признательны Илюшину (если, конечно, именно он помог Батенькову занять прочное место в пантеоне русской поэзии) еще и за ту услугу, которую наш современник, скорее всего непроизвольно, оказал филологической науке. Независимо от своего происхождения стихи Псевдо-Батенькова являются идеальным полигоном для обкатки исследовательских методов и приемов в сфере текстологии и поэтики. Проблема авторства сомнительных произведений подвергла эти дисциплины серьезному испытанию на прочность, и выдержать проверку, как подсказывают мне результаты моей работы, они смогли не вполне. Поэтому о качественном прогрессе науки мы сможем заявить не раньше, чем будем в силах неопровержимо доказать, что искомый автор — Илюшин или (чем черт не шутит) Батеньков. А до тех пор нашим уделом по-прежнему будет «проклятая неизвестность».

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 98-04-06164; «Стих и смысл в русской поэзии XVIII—XX вв.»). Первые две части работы опубликованы в предыдущем выпуске журнала (см. Шапир 1997).

<sup>2</sup> Под прилагательными подразумеваются также причастия и порядковые числительные.

<sup>3</sup> В еще меньшей степени ритмические факторы повлияли на динамику частей речи в двух первых книгах Ахматовой: в «Вечере» прилагательные относятся к глаголам как 1 : 1,4, в «Четках» — как 1 : 1.

<sup>4</sup> Сюда входят первые 11 категорий, указанные в заголовках столбцов в таблицах 1 и 2, и все служебные слова, взятые en masse.

<sup>5</sup> Ср.: «Обратим внимание на эпитет *литой* — эпитет весомый, материальный и очень искусно употребленный. Кстати, Пушкин тоже не утверждал, что воздвиг себе *литой* монумент. Он говорил о нерукотворном памятнике, следовательно об идеальном» (Илюшин 1978, 54—55).

<sup>6</sup> Для вычисления величины  $\bar{S}$  синтаксически квалифицировались все межстрочные интервалы. При этом различались следующие связи (в порядке их усиления): 1) между отдельными предложениями, не связанными союзом; 2) между отдельными предложениями, связанными союзом; 3) между частями бессоюзного слож-

ного предложения; 4) между частями сложносочиненного предложения, связанными союзом; 5) между придаточными предложениями, не связанными сочинительным союзом; 6) между придаточными предложениями, связанными сочинительным союзом; 7) между главным и придаточным предложением; 8) при обособленных словах и оборотах; 9) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при отсутствии союза; 10) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при наличии сочинительного союза; 11) между обобщающим словом и однородными членами; 12) между однородными членами при отсутствии союза; 13) между однородными членами при наличии союза; 14) между подлежащим и сказуемым; 15) между членами словосочетания в случае их примыкания; 16) между членами словосочетания в случае управления в непереходных конструкциях; 17) между членами словосочетания в случае управления в переходных конструкциях; 18) между членами словосочетания в случае их согласования; 19) между компонентами сложных форм глагола; 20) между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением, к которому они относятся (подробнее см. Шапир 1999). За числовое выражение грамматической связи между стихами принимался ее порядковый номер по вышеозначенной классификации. При явной синтаксической или семантической неполноте отрезка речи, предшествующего клаузуле, этот коэффициент удваивался, поскольку такие связи (я буду называть их «двойными») носят одновременно «перспективный» и «ретроспективный» характер (предыдущий стих отчасти предсказывает последующий, а последующий возвращает к предыдущему):

«Отець небесный да святится	16
«Отъ всѣхъ небесныхъ чадъ его,	4
«И на земли да водворится	14 × 2
«Сіянье царства Твоего <...>»	1

«Тюремная песнь»

[Цит. по: ГАРФ, ф. 1153 (Муравьевы М. Н., Е. Ф., Н. М., А. М. и др.), оп. 1, ед. хр. 166, л. 3.] Если через одну клаузулу проходит несколько связей, они учитываются все (такие связи я буду называть «сложными»):

<...> «Тебя Слугъ Божьихъ Сонмы Сильныхъ (14 + 17) × 2	
«На Крыльяхъ вознесутъ Орлиныхъ,	12
«Дракону разтерзаютъ грудь <...>»	1

(Там же, л. 3 об.)

Средний коэффициент грамматической связности строк  $\bar{S}$  есть частное от деления суммы коэффициентов на число межстрочных границ.

<sup>7</sup> У Ломоносова рассмотрены все 12 стихотворений, написанные строфой *AbAb CCdEEEd* (2700 строк), у Сумарокова — 6 стихотворений, написанные строфой *AbAbCCdEEEd* («Ода ... на день ... рождения 1755 года», две «Оды ... о Прусской войне», «Ода ... на первый день нового 1763 года», «Ода ... на день ... Коронования 1763 года», «Ода ... на день ... Коронования 1766 года»), и 2 стихо-

творения, написанные строфой *aBaBccDeeD* («Ода ... на день ... Тезоименитства 1768 года», «Ода ... на день Коронавания ... 1770 года»; всего 940 строк), у Державина — 7 стихотворений, написанные строфой *AbAbCCdEEed* («К первому соседу», «Фелица», «Бог», «На шведский мир», «На взятие Измаила», «Приглашение к обеду», «Пирре»; всего 1000 строк). Статистические данные по Сумарокову, Державину и отчасти по Ломоносову собраны Е. А. Зак.

<sup>8</sup> РГБ, ф. 20 (Г. С. Батеньков), к. 6, ед. хр. 14, л. 9—9 об.

<sup>9</sup> Как правило, чем выше средний уровень связности ( $\bar{S}$ ), тем больше перепад между сильными и слабыми связями ( $\sigma$ ).

<sup>10</sup> Не принимаются в расчет грамматические отношения внутри тактов, образуемые клитиками или словами, несущими сверхсхемные ударения.

<sup>11</sup> Помимо 20 типов связи, перечисленных в примечании 6, учитывался еще один, 21-й: между частями неоднударного композита (такова, например, связь 1—2 в строке *Сладим-река течет из рая* или связь 3—4 в строке *Свободных, умных, яснозрящих*). Наличие близких тенденций и малочисленность всех форм, кроме I и IV, позволяет в целях экономии места представить в суммарном виде данные по трехударным и по двухударным стихам.

<sup>12</sup> Этот вывод согласуется с интуитивным представлением об уменьшении числа инверсий в письменном языке XIX—XX вв.

<sup>13</sup> Так как поэтическое наследие Батенькова, несмотря на старания Илюшина его приумножить, пока всё еще невелико, я регистрировал все (и даже однократные) повторы. Для образования ритмико-грамматических формул я считал достаточным, помимо синтаксического или морфологического тождества строк, совпадения одного полнозначного или двух служебных слов в одинаковых метрических позициях.

<sup>14</sup> Эта «автореминисценция» учтена в комментарии Илюшина (1978, 119).

<sup>15</sup> Звездочкой обозначены соответствия, в которых лексическое или грамматическое сходство усилено средствами фонетики.

<sup>16</sup> Ср. также 5 строк Псевдо-Батенькова, оканчивающихся словом *покой*: *Спешу не ведая покоя; Спешил не ведая покоя; Я рад нисшедшему покою; Гроза дремотному покою; Ужель в движении покой*. Пяти формулам неизвестного автора созвучен только один собственно батеньковский стих: *Плывет по воздуху спокойно*.

<sup>17</sup> Ср. суждение А. Л. Слонимского, не поверившего в подлинность окончания «Юдифи»: «Попытка поддѣлаться под божественный язык поэта обнаруживается только в обилии реминисценций из пушкинских произведений» (1918, 9 и др.).

<sup>18</sup> Форма *надлѣжит* повторяется у Батенькова 8 раз.

<sup>19</sup> Размер стихотворения, из которого взята эта строка, — 3-стопный трехсложник с переменной анакрусой.

<sup>20</sup> Ср.: «Чем мрачнее скопились тучи, тем менее известно, какое откроется небо, когда они греметь перестанут, тем глубже западает в душу какое-то ожесточение, лишенное ожиданий» (Батеньков 1989, 316; из письма к А. П. Елагиной от 6.XI 1854).

<sup>21</sup> К явлениям этого рода относится также редукция гласного во флексии имени существительного: *Сколь легче доблестьми гордиться* (из стихотворения «Гордыня», известного лишь по публикации Илюшина).

<sup>22</sup> В области морфологии укажу также на устаревшее произношение прилагательного *дальный* (с твердым [н] в суффиксе): *Где они, грозные грозы, где они, дальные дали* (*dubia*).

<sup>23</sup> Если бы стихотворение «Метаморфозы» принадлежало Батенькову, я бы осмелился предположить, что слово *борзокрылы*, которое Илюшин графически интерпретирует как приложение (<...> *И вскоре ветры-борзокрылы // Их прах по свету разнесут*), также является усечением: *борзокрылы(е) ветры*.

<sup>24</sup> До 1825 г. Тютчев обращался к этой форме четырёхжды: *Высоко воздвигнут Небесный храм; Природы грозная ужасная краса* («Уралия», <1820>); *Но что все прелести пафосския царицы* («Слезы», 1823); *Кровавые битвы подымет волна* («Песнь скандинавских воинов», 1825).

<sup>25</sup> Согласно одной из давних работ Илюшина, Батеньков «занимался <...> своеобразным грамматическим формотворчеством. Например, он „изобрел“ сложное настоящее (!?) время глагола» (Илюшин 1966, 47):

Се ты, господь, владыка света!  
Тобой мы движемся, есмы.

Вопреки комментарию Илюшина, *движемся* и *есмы* 'существуем' — не более чем два однородных сказуемых.

Но если о батеньковских ошибках в церковнославянской грамматике нам ничего не известно, то у Илюшина такие ошибки хотя очень редко, но встречаются. Об одной из них недавно написал он сам, публикуя новый вариант своего перевода стихотворения Симеона Полоцкого «*Na leniwsa*»: <...> *И яко мравий вседневно трудися, // Дабы пребыти не в скудости вечной, // Но в сладости на небе безконечной*. «Ранее публиковавшийся перевод этого стихотворения заканчивался двустихием в иной редакции, а именно: „Аще хощеши не скудости вечной, / Но сладости на небе безконечной“. Формы прилагательных в родительном падеже здесь некорректны, нужно было бы: „вечныя“ — „безконечныя“, что было бы отступлением от изосиллабизма. Пришлось родительному падежу предпочесть местный и ради этого перестроить конструкцию» (Илюшин 1998, 170, 172 примеч. 11).

<sup>26</sup> Я исхожу из того, что в языке наших дней слово *одежда* — *singularia tantum* (если, конечно, речь не идет о фразеологических сращениях типа *белые одежды*). В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» статья *одежда* сопровождается пометой: «Обычно единственное» (БАС, 8: стб. 661). В этой статье почти все примеры на множественное число — из писателей первой половины XIX в. Исключение — Куприн, у которого форма множественного числа употребляется в церковном контексте (об облачении священнослужителя) и воспринимается как славянизм.

<sup>27</sup> Еще раз подчеркну, что не всякая последовательность «определяемое + определение» может квалифицироваться как инверсия. Например, в стихах:

Меня Окою окаймленный,  
Рекою тихой и смиренной,  
Град новосельем подарил <...> —

«На приезд мой в Калугу»

порядок слов во второй строке соответствует нормальному: \*Град, окаймленный Окою, рекой тихой и смиренной, подарил меня новосельем.

<sup>28</sup> В квадратных скобках восстановлены подразумеваемые слова.

<sup>29</sup> ГАРФ, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 166, л. 7—7 об.

<sup>30</sup> См.: РГБ, ф. 20, к. 6, ед. хр. 14, л. 7.

<sup>31</sup> Не чуждается таких оборотов и батеньковская проза: «Когда я приеду в город, мне не дают ничего делать» (Батеньков 1989, 313; из письма к А. П. Елагинной от 10.Х 1854).

<sup>32</sup> Части сравнительного оборота антикоммутативны: *сопки блестят огнем так, как очи ≠ как очи, так сопки блестят огнем*. Первая конструкция — правильная, вторая — аномальная. (Добавлю, что антикоммутативностью обладает сравнительный оборот и не обладает сравнительное придаточное предложение.)

<sup>33</sup> Ср. также одиночное отрицание на месте двойного: *И нет томленья, ни страданья* (dubia).

<sup>34</sup> Ср. у Батенькова: *И пусть хоть на гулянье где*.

<sup>35</sup> РГБ, ф. 20, к. 6, ед. хр. 14, л. 9.

<sup>36</sup> Не столько к синтаксису, сколько к семантике и стилистике относятся такие аспекты сочетаемости слов, как тавтология и плеоназм. Первая более свойственна Псевдо-Батенькову: *Мой падший гений!.. // Падший гений!..; Ночь одинокая, ночь неживая; Меркнет в твоих лучах, меркнет тревога моя; Кольцо, кольцо! Символ жестокой!; В единый ряд, пороков ряд* и проч. Если в dubia — 10 случаев редупликации словоформы, то в подлинных стихах всего 5: *Кругом крутят. // Кругом шумят; Светися, красная, светися* и др. Со своей стороны, семантическая избыточность скорее характеризует стиль Батенькова: *Ищу в бесчувственной стене // Отзыв подобного мне рода; Что будет череп головой; Бесмертие! В тебе одном // Одна несчастному отрада; Воззри в окно твоих чертогов // На вид прелестный пред тобой*. Два случая плеоназма есть в dubia: *Спешим от гнилостного тлена (тлен то же самое, что гниение); Духовной жажды в жаркий зной* (а каким еще может быть зной, если не жарким).

<sup>37</sup> Для первых 9 букв русского алфавита, то есть в пределах вышедших томов, проводилась дополнительная проверка по 2-му изданию «Словаря».

<sup>38</sup> Ср.: «<...> хозяйке угодно было поздороваться непременно только с одним из нас; ж е р е б и й должен был решить дело»; «Политики требовали бы, поддержав выходца, о б о р о т и т ь его лицом на собственный грунт» (Батеньков 1989, 113, 347). Не учитывались семантически разошедшиеся пары типа *страна* 'государство' / *сторона* 'поверхность предмета; пространство, прилегающее к краям; составная часть, элемент чего-нибудь'.

<sup>39</sup> Возможно, к тому же ряду принадлежит слово *отнынь*: *Отнынь доступно откровенье // И решена судьба моя* (dubia). Это слово встречается у Ломоносова: «<...> Ты будешь век крушиться // Отнынь, хозяин мой («Ночную темноту...», <1747>), — однако оно отсутствует во всех известных мне словарях, в том числе диалектных. В обширнейшей 4-миллионной картотеке «Архангельского областного словаря» (МГУ) оно представлено единственным и потому недостоверным примером (тогда как форма *нынь* иллюстрируется десятками контекстов).



Насколько можно понять, это ломоносовский окказионализм, либо заимствованный автором сомнительных стихов, либо им переоткрытый: он мог быть образован из северновеликорусского *нынь* (СРНГ, 323) и поддержан наречием *отсель*.

<sup>40</sup> Ср. точную параллель у настоящего Батенькова (*оцепенить* по аналогии с *оцепенеть*): «<...> ужас оцепенил во мне кровь...» (1989, 187).

<sup>41</sup> Учитывалась вся совпадающая лексика, невзирая на разницу значений. Так, у Батенькова *век* — это столетие (*Сей дух является веками; Через шесть веков грозит паденьем*), а у Псевдо-Батенькова — срок человеческой жизни (*Влача свой долгий век, я истину искал*); у Батенькова *хор* — это одновременное звучание нескольких голосов (*Уханья хором разливались*), а у Псевдо-Батенькова — совокупность небесных тел (*Прекрасен хор светил спокойных*) и т. д.

<sup>42</sup> Для сравнения были привлечены 206 писем, вошедшие в собрание сочинений Батенькова (1989), — все за исключением письма к С. П. Трубецкому от 22.IX 1856, источником которого является публикация Илюшина (1978, 144—145).

<sup>43</sup> Ср. у В. И. Даля два примера на употребление этого слова: «*Политика вступила въ новый фазисъ*»; «*Главныхъ фазисовъ луны четыре*» (1866, ч. IV: 531). Вообще надо сказать, что из слов, составляющих рассмотренное четверостишие, в батеньковских письмах отсутствует только прилагательное *бледный*. Оно, правда, входит в словарь подлинных произведений Батенькова в той редакции, которую придал им Илюшин (1978, 106): *В сиянии венцов приличных // Сведешь на бледное чело*. Но на чем основана эта редакция, я сказать не могу, так как в известных мне рукописях «Тюремной песни» вторая строка читается иначе: *Сведешь на свѣтлое чело* (ГАРФ, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 166, л. 6 об.; РГБ, ф. 20, к. 6, ед. хр. 14, л. 7).

<sup>44</sup> Не рассматривались чисто орнаментальные удвоения: *Мой падший гений!.. // Падший гений...*

<sup>45</sup> Ср.: «Люблю твою бессмертную душу, и ты знаешь это» (Батеньков 1989, 217).

<sup>46</sup> Ср.: «<...> рад бы был я, если б наука, такое космическое явление, как наша мать Россия, с ее монархическою полярностию, признала мерилом всего возможного» (Батеньков 1989, 298, ср. 250).

<sup>47</sup> Ср.: «Сей небесный дар <...> может быть весьма вреден моей плоти» (Батеньков 1989, 198).

<sup>48</sup> Ср.: «<...> как первое слово жизни, нигде семена так прочно не пристают к почве, как в пустынях» (Батеньков 1989, 325).

<sup>49</sup> Ср.: «Чтоб сказать ему несколько слов, надобно протолпиться чрез густую колонну других полузнатных, четвертьзнатных и вовсе незнатных лиц»; «Сказав несколько слов о литературе, вы меня вызываете»; «Государь сказал мне следующие слова <...>»; «<...> хотя сегодня очень мало имею досуга, все же могу сказать несколько слов» (Батеньков 1989, 162, 236, 243, 313).

<sup>50</sup> Первая цифра указывает на количество словоупотреблений у Батенькова, вторая — у его alter ego.

<sup>51</sup> Помимо глагола *любить* (16/0), в *dubia* отсутствуют частотные у Батенькова слова *красота* (14/0), *чувство* (14/0), *пройти* (8/0), *светлый* (8/0), *небес-*

ный (7/0), *оставить* (7/0) и др. Глагол *искать* (10/3) Илюшин причислил к «любимейшим у Батенькова» (1978, 81) и в доказательство привел как подлин- ные строки, так и, возможно, стихи собственного изготовления [еще один случай использования этого глагола навязан Батенькову публикатором: он печатает *В дворцах не ищет красоты* вместо *В дворцах не видит красоты*; см.: РГБ, ф. 99 (Елагины А. П., А. А. и др.), к. 2, ед. хр. 64, л. 36]. Но некоторые дру- гие слова, по мнению исследователей (Топоров 1995, 450, 454—455 и др.; ср. Ронинсон 1990, 76 примеч. 15), органичные для Батенькова, — *грозда* (2/0), *громадный* (1/0), *пространство* (3/0) — у Псевдо-Батенькова как будто особог- о влечения не вызывают.

<sup>52</sup> Это не отражается на количестве и весомости обращений: у Батенькова их 21 (1 : 60 строк), у Псевдо-Батенькова — 15 (1 : 50 строк). В среднем в подлин- ных стихах протяженность обращения — полтора полнозначных слова, а в сомни- тельных — два. Однако по большей части это обращения не к адресату, а к предмету высказывания: *Верись же смело, пир кровавый!*; *О Муза! Не гор- дись тяжелым вдохновеньем*; *Пустое! Смолкни, гул тревоги*; *Вернись, гордыни славный гений* и т. п. (все примеры из *dubia*).

<sup>53</sup> Самые поздние из учитывавшихся — словарь В. И. Даля и словарь под редак- цией Ф. Г. Толля: первые тома этих изданий вышли в год смерти Батенькова.

<sup>54</sup> В письмах Батенькова есть и более странное, чем *сыздетства*, наречие *совсю- да*: «<...> человек выродился <...> и требует совсюда новых судеб, новых сил и света» (1989, 237).

<sup>55</sup> Ср. также «*Silentium*» Мандельштама (1910): «<...> *И, сердце, сердца усты- дись, // С первоосновой жизни слито*. В словарь 1847 г. включена статья *перво- основатель*: «Первый основатель, учредитель чего либо» (СЦСРЯ, 168).

<sup>56</sup> Ср. также: *Любовь ли это — или любованье, // Пера причуда — иль перво- причина <...>* (М. Цветаева, «Ваш нежный рот — сплошное целованье...», 1918).

<sup>57</sup> Мистификатор мог упиваться почти полной своей неуязвимостью: язык поддел- ки «не должен быть <...> всецело компилятивным <...> представим себе, что до нас не дошел стихотворный отрывок Пушкина „Стрекотунья белобока...“ (1829). Скорее всего, мы усомнились бы в том, что оба эти слова (больше их у него нигде нет) возможны в его языке, тем более что в словарях русского языка они фиксируются лишь начиная с середины XX в. И усомнились бы, как видим, на- правно. Поэтому естественная боязнь допустить <...> языковой анахронизм долж- на иметь разумные пределы: не все странное и непривычное <...> следует трети- ровать как принципиально невозможное» (Илюшин 1994, 250).

<sup>58</sup> Ср.: «**Неудачник**, а, м. Неудачно испеченный хлеб или другое выпечное из- делие. *Блины будут неудачники, потому плотно больно заноздрилось*. Покр. **Влад., 1905—1921. Пирог есть, да неудачник. Костром. Яросл.**» (СРНГ, 188).

<sup>59</sup> Пользуюсь случаем, чтобы исправить ошибку большого академического слова- ря, в соответствии с которым первая фиксация слова *лучиться* имела место в 1938 г., в III томе ушаковского словаря, а в специальном значении (*рыба лучит- ся*) — в 1905 г., в 3-м издании словаря Даля. Это чистое недоразумение. Во-пер- вых, выражение *рыба лучится* есть уже в издании 1865 г.: «**Лучить** *рыбу* <...>

бить рыбу острогой, при лучинномъ огнѣ, ночью <...> *Рыба лучится по осенямъ, ее лучать*» (Даль 1865, ч. II: 875). А во-вторых, на той же странице, хотя и в другой словарной статье, описано общеязыковое значение глагола: «*Лучиться, испускать, издавать лучи свѣта; искриться, ярко блестѣть; разбѣгаться на лучи, на вѣтви или вѣромъ*» (Даль 1865, ч. II: 875).

<sup>60</sup> В языке Батенькова скорее можно было бы ожидать, что *тоска будет разогнана, рассеяна, размыкана*, но только не *развеена*. Ср., однако: <...> *Живые помертвуют чувства, // Мечты развеются твои...* (Ф. Тютчев, «Русской женщине», 1848 или 1849).

<sup>61</sup> В этом смысле слово *камера* употреблялось, в том числе, самим Батеньковым. Ср. его собственноручные показания 26.III 1826: «Мы согласились в том желаннии, чтоб, приостановив дѣйствие самодержавия, наименовать временное правительство, которое бы распорядило в губерниях избирательные камеры и собрало депутатов <...> от дворянства, купечества, духовенства и поселян» (Нечкина 1976, 99). Ср. также композит *камера-обскура* в так называемых «Писаниях сумасшедшего» (Илюшин 1978, 15).

<sup>62</sup> Ср.: «**Камера**, лат., отъ гр. катага, сводъ, комната со сводомъ. 1) Родъ присутственнаго мѣста въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ; 2) залъ для разбирательства у мировыхъ судей; 3) собрание государственныхъ сословій въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствахъ; 4) мѣсто, куда кладется порохъ въ минахъ; 5) въ гидравликѣ, мѣсто между двухъ шлюзовыхъ воротъ; 6) мѣсто въ каналѣ мортиры, куда насыпается порохъ» (Бурдон, Михельсон 1880, 362—363; ср. Чудинов 1894, 361).

<sup>63</sup> Ср.: «Взошли во второй этажъ. Здѣсь общихъ камеръ нѣтъ, а все одиночки»; «Въ другія женскія камеры мы не пошли»; «<...> мы обошли общія простонародныя арестантскія камеры»; «Въ двери всякой камеры есть окошечко, а возлѣ доска, на которой написано мѣломъ: номеръ камеры, число содержащихся въ ней арестантовъ и имя арестанта-старосты» (Лесков 1862а, № 99: 393; № 101: 403; № 104: 413; а также Лесков 1862б, 437). В том же значении слово *камера* употребил М. Колосов в «Очерках с натуры» (1867, 3, 5 и др.).

<sup>64</sup> Ср.: «Естественно человѣку заимствовать <...> для выраженія идей изъ сокровищъ другаго языка, когда не находимъ того въ своемъ природномъ» (Батеньков 1881, 265).

<sup>65</sup> РГБ, ф. 20, к. 6, ед. хр. 14, л. 9.

<sup>66</sup> Нельзя, впрочем, сбрасывать со счетов, что оценка В. Н. Топорова покоится на тех впечатлениях, которые он вынес от знакомства не только с аутентичными, но и с сомнительными стихами.

<sup>67</sup> РГБ, ф. 99, к. 2, ед. хр. 64, л. 25; ср. Илюшин 1978, 51, 141.

<sup>68</sup> ГАРФ, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 166, л. 5.

<sup>69</sup> Ср. эту же цитату (*Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ*) в письме Батенькова к А. П. Елагиной от 28.X 1847 (РГБ, ф. 99, к. 2, ед. хр. 61, л. 9 об).

<sup>70</sup> Здесь и далее цитаты из оды «Бог» приводятся по большому академическому изданию под редакцией Я. К. Грота (Державин 1864, 195—201).

<sup>71</sup> Слово *обои* в подлинных текстах нет, однако деталь эта очень натуральна. Батеньков охотно держит своих корреспондентов в курсе работ по благоустройству

собственного жилья: «<...> я почти вовсе бросил город и переселился всем составом на Соломенный; мажу его, крашу и обклеиваю»; «Вымазал и обклеил Соломенный, так что вы не узнали бы его теперь»; «В городе занимаю я одну угловую комнату, обклеенную миленькими шпалерами по белому фону с розовыми цветами и мелкою зеленью узорно» (1989, 305, 310, 381 и др.).

<sup>72</sup> Стихотворение, будто бы сочиненное Батеньковым еще в тюрьме.

<sup>73</sup> РНБ, ф. 49 (Г. С. Батеньков), ед. хр. 13, л. [1].

<sup>74</sup> Ср. письмо Батенькова к А. А. Елагину (3.X 1817) по поводу его женитьбы: «<...> ты хотел быть скрытым, хотел прежде познакомить меня с тою, к которой невольно теперь стремится моя душа» (Батеньков 1989, 118).

<sup>75</sup> Фразеология «Таинств» (*Где связан слова хлеб в снопы*) заставляют вспомнить о метафорах Мандельштама «слово-пшеница», «слово-колобок» («Как растет хлебов опара...», 1922; «Нашедший подкову», 1923), а некоторые мысли «Тюремной песни» предвосхищают мандельштамовского «Ламарка» (1932): *Мне чувства служат к оперенью // И направленью моих крил. // Как перечень животных строя, // Ищу себя среди их роя, // Во мне является их склад* («Тюремная песнь»). Ср.: *На подвижной лестнице Ламарка // Я займу последнюю ступень <...> Роговую мантию надену, // От горячей крови откажусь. // Обрасту присосками и в пену // Океана завитком вопьюсь* («Ламарк»; ср. Топоров 1995, 475 примеч. 54).

<sup>76</sup> С этой точки зрения показательна коллективная монография «От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства». Главы книги снабжены рекламными заголовками: «Кто был автором „Повести временных лет“?», «Об авторстве Митрополита Илариона», «Был ли боярин Петр Бориславич автором „Слова о полку Игореве“?» и т. д. Но результаты этих многообещающих трудов скромнее их широковещательных названий: «<...> версия о Несторе как авторе Введения к „Повести временных лет“ не лишена основания. От более определенных формулировок следует пока воздержаться»; «Эмпирические наблюдения показывают, что авторский стиль сильно изменяется в зависимости от жанра <...> Поэтому вопрос об авторстве митрополита Илариона требует дальнейшего исследования»; «Концепция академика Б. А. Рыбакова <...> о том, что автором „Слова о полку Игореве“ является создатель „Мстиславовой летописи“ <...> не может быть отвергнута. Полученные нами коэффициенты близости <...> не доказывая с абсолютной уверенностью это авторство, вполне допускают возможность такого толкования» (Милов 1994, 62, 85, 122).

<sup>77</sup> Батеньковские письма показывают, насколько он был восприимчив к новым литературным веяниям: «Сказав несколько слов о литературе, вы меня вызываете. Осьмнадцать лет совершенно скрывалась она от меня за железною решеткою, зато предстала опять ярко со всеми ее новостями и обновленьями. Невольно должно было составить понятие» (1989, 236; из письма к И. И. Пушкину от 17.III [1848]). Ср.: «<...> понятию всегда сопутствует слово, посему Пушкин и Жуковский не останутся последними из говорящих» (Батеньков 1989, 249; из письма к А. П. Елагиной от 24.V 1849).

<sup>78</sup> Ср. при этом глагол *ждаться* в «Словаре русского языка XVIII века» (СЯ XVIII, 7: 100).

<sup>79</sup> См.: РГБ, ф. 20, к. 6, ед. хр. 14, л. 3 об., 5, 7, 8, 9, 10, 15; ф. 99, к. 2, ед. хр. 62, л. 25; ед. хр. 63, л. 24; ед. хр. 69, л. 11; к. 3, ед. хр. 1, л. 8; ГАРФ, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 166, л. 2, 2 об., 3 об., 5, 6, 6 об., 8, 10, 10 об.; РНБ, ф. 49, ед. хр. 7, л. [2]; ед. хр. 13, л. [1]; ИРЛИ, ф. 604 (Архив братьев Бестужевых), ед. хр. 14, л. 19; а также Батеньков 1859, 7; 1862, 54; 1989, 473 примеч. 8.

<sup>80</sup> Ср.: «Типические формы авторского поведения откладываются на структуре поэмы как особое наслоение, как бы сообщающее поэме ее „собственное лицо“, делающее ее в свою очередь типической и характерной, не похожей на остальные, о с о б е н н о й» (Винокур 1927, 81).

<sup>81</sup> Чернышов рассматривает это выражение как пример «вторжения в литературный язык не всегда понятной областной речи» (1935, 401).

<sup>82</sup> Ср.: «Практических достижений в этой области <...> мало, но <...> возможность стилистической атрибуции безусловна. Иначе нам пришлось бы признать отсутствие каких бы то ни было закономерностей художественного творчества в их индивидуальных проявлениях» (Гришунин 1998, 260; ср. также Виноградов 1961, 154 и др.).

<sup>83</sup> О реакции историков и филологов можно судить по таким оценкам илюшинской псевдо-батеньковианы: «Безусловно ценным трудом является исследование А. А. Илюшина, посвященное поэзии Батенькова (первое монографическое исследование подобного типа), включающее в себя и публикацию многих стихотворений декабриста» (Анненкова 1989, 126); «Брошюра А. А. Илюшина <...> содержит в себе не только интересный очерк поэтического творчества писателя-декабриста. Автор проделал большую работу по изысканию поэтических текстов Г. С. Батенькова в различных архивах, по возможности точно атрибутировал и прокомментировал их» (Канунова 1996, 106 примеч. 3; см. также Шапир 1997, 95—97, 120—121 примеч. 30—35)

<sup>84</sup> Ср.: «Тюремная песнь» «противостоит „Узнику“, гораздо более традиционному по теме. „...В камере глухой томится узник одичалый“ — привычно. Но интересно, что в художественном отношении „Узник“ более самобытен и совершенен» (Анненкова 1989, 131). Не могу также удержаться от соблазна процитировать последний по времени отклик на поэтическое творчество автора «Non exegi monumentum»: «<...> Батеньков создал удивительно цельное и самобытное, далекое от одического пафоса и естественное по лексическому и интонационному звучанию поэтическое размышление о себе, о своей судьбе и предназначении, о смысле прожитой жизни» (Зайцев 1998, 13).

## БИБЛИОГРАФИЯ

Анненкова, Е. И.: 1989, *Гоголь и декабристы: (Творчество Н. В. Гоголя в контексте литературного движения 30—40-х гг. XIX в.)*, Москва.

- АС — *Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук*, С.-Петербург 1895, т. I, вып. III; 1907, т. IV, вып. I.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*, Москва — Ленинград 1954, т. 3; 1955, т. 4; 1956, т. 5; 1958, т. 7; 1959, т. 8; т. 9; 1961, т. 11; т. 12; 1962, т. 13; 1963, т. 14; т. 15.
- Батеньков, Г. С.: 1862, 'Одичалый', *Собрание стихотворений декабристов*, [Со-ставление и примечания Н. В. Гербея], Лейпциг, 53—60.
- Батеньков, Г. С.: 1881, 'Данные: Повесть собственной жизни', *Русский Архив*, кн. II, 251—276.
- Батеньков, Г. С.: 1989, *Сочинения и письма*, Издание подготовлено А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой, Иркутск, т. 1: Письма (1813—1856).
- Берков, П. Н.: 1958, 'Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века', *Русская литература*, № 2, 180—189.
- Бобров, С.: 1922, 'Заемствования и влияния: (Попытка методологизации вопроса)', *Печать и революция*, кн. 8, 72—92.
- Брегман, А. А.: 1989, 'Декабрист Гавриил Степанович Батеньков', Г. С. Батеньков, *Сочинения и письма*, Иркутск, т. 1: Письма (1813—1856), 3—88.
- Брик, О. М.: 1927, 'Ритм и синтаксис', *Новый лев*, № 3, 15—20; № 4, 23—29; № 5, 32—37; № 6, 33—39.
- Бурдон, И. Ф., А. Д. Михельсон: 1880, *Словарь иностранных слов: «60000» вошедших в употребление с означением их корней*, Составили по лучшим источникам [И. Ф.] Бурдон и [А. Д.] Михельсон, Москва.
- Венгеров, С. А.: 1891, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала русской образованности до наших дней)*, С.-Петербург, т. II, вып. 22—30: Бабаджано<в> — Бензенгр.
- Виноградов, В. В.: 1947, 'Из истории русской литературной лексики', *Ученые записки Московского государственного педагогического института*, т. XLII, 3—14.
- Виноградов, В. В.: 1961, *Проблема авторства и теория стилей*, Москва.
- Винокур, Г.: 1927, *Биография и культура*, Москва (= Труды Государственной Академии Художественных Наук. Философское отделение; Вып. II).
- Винокур, Г.: 1941, 'Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина', *Пушкин <—> родоначальник новой русской литературы: Сборник научно-исследовательских работ*, Москва — Ленинград, 493—541.
- Винокур, Г. О.: 1959, 'Об изучении языка литературных произведений' [1945?], Г. О. Винокур, *Избранные работы по русскому языку*, Москва, 229—256.
- Винокур, Г. О.: 1990, 'Я и ты в лирике Баратынского: (Из этюдов о русском поэтическом языке)' [1944], Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*, Москва, 241—249.
- Волконская, М. Н.: 1904, *Записки Княгини Марии Николаевны Волконской*, С предисловием и приложениями издателя кн. М. С. Волконского, С.-Петербург.
- Гавкин, Н. Я.: 1894, *Карманный словарь иностранных слов*, Издание 4-е, Киев — Харьков.

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- Гаспаров, М. Л.: 1981, 'Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского', *Проблемы структурной лингвистики 1979*, Москва, 148—168.
- Гаспаров, М. Л.: 1984, 'Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише', *Проблемы структурной лингвистики 1982*, Москва, 169—185.
- Гаспаров, М. Л.: 1986, 'Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе', *Проблемы структурной лингвистики 1983*, Москва, 181—199.
- Гаспаров, М. Л.: 1994, 'Лингвистика стиха', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 53, № 6, 28—35.
- Гаспаров, М. Л.: 1998, 'Точные методы анализа грамматики в стихе', *Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов, Краков, 1998 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 168—181.
- Гаспаров, М. Л., Т. В. Скулачева: 1993, 'Ритм и синтаксис в свободном стихе', *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории; Синтаксис текста*, Москва, 20—43.
- Гершензон, М.: 1916, *Русские Пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы*, Составил и приготовил к печати М. Гершензон, Москва, т. 2.
- Гранат — 'Вечнозеленые растения', *Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К<sup>о</sup>»*, 7-е, совершенно переработанное издание, [Москва 1912], т. 12: Выдача преступников — Гваякиль, стб. 189.
- Гришунин, А. Л.: 1960, 'Опыт обследования употребительности языковых дублетов в целях атрибуции', *Вопросы текстологии: Сборник статей*, Москва, вып. 2, 146—195.
- Гришунин, А. Л.: 1998, *Исследовательские аспекты текстологии*, Москва.
- Даль, В. И.: 1865—1866, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва, ч. II, IV.
- Даль, В.: 1905, *Толковый словарь живого великорусского языка*, 3-е, исправленное и значительно дополненное издание, Под редакцию И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, С.-Петербург — Москва, т. II: И — О.
- Державин: 1864, *Сочинения*, С объяснительными примечаниями Я. Грота, С.-Петербург, т. I: Стихотворения. Часть I.
- Дин, О.: 1966, 'Патент на слово', *Молодая гвардия*, № 2, 218—219.
- Дозорец, Ж. А.: 1978, 'Синтаксическая структура строки и ее членение на синтагмы', *Актуальные вопросы грамматики и лексики русского языка: Сборник трудов*, Москва, 79—96.
- Дубровский, Н.: 1900, *Полный толковый словарь всех обще-употребительных иностранных слов, вошедших в русский язык<> с указанием их корней: Настольная справочная книга для всех и каждого при чтении книг, журналов и газет*, 16-е издание, Москва.
- Дубровский, Н.: 1901, *Полный толковый словарь всех обще-употребительных иностранных слов, вошедших в русский язык<> с указанием их корней: Настольная справочная книга для всех и каждого при чтении книг, журналов и газет*, 17-е, исправленное и дополненное издание, Москва.

- Зайцев, В. А.: 1998, 'Мотив «Памятника» в русской поэзии от Ломоносова и Пушкина до Бродского', *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, № 1, 7—22.
- Илюшин, А. А.: 1966, 'Поэтическое наследие Г. С. Батенькова', *Вестник Московского университета, Серия X, Филология*, № 3, 34—48.
- Илюшин, А. А.: 1978, *Поэзия декабриста Г. С. Батенькова*, Москва.
- Илюшин, А. А.: 1986, 'О внутренних рифмах и слоговых созвучиях в стихе', *Русский язык в школе*, № 6, 50—54.
- Илюшин, А. А.: 1994, 'Запоздалый перевод эротико-приапейской оды: (Alexis Rigon, «Ode à Priape»)', *Philologica*, т. 1, № 1/2, 247—263.
- Илюшин, А.: 1997, 'Вновь вижу мою донну', *Юность*, № 4, 64—69.
- Илюшин, А. А.: 1998, 'Проблемы перевода полоноязычных стихов Симеона Полоцкого', *Научные доклады филологического факультета МГУ*, Москва, вып. 3: К XII Международному съезду славистов в Кракове, 161—172.
- ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Рукописный отдел (С.-Петербург).
- Канунова, Ф. З.: 1996, 'Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский', *Russian Studies*, т. II, № 3, 94—110.
- Колосов, М.: 1867, *Очерки с натуры: (Из под-спуда петербургской жизни)*, С.-Петербург.
- Лесков, Н. С.: 1862а, 'Страстная суббота в тюрьме', *Северная Пчела*, 14 апр., № 99, 393—394; 16 апр., № 101, 401—403; 19 апр., № 104, 413—414 (подпись: М. Стебницкий).
- Лесков, Н. С.: 1862б, 'За воротами тюрьмы: (Окончание рассказов о страстной субботе)', *Северная Пчела*, 25 апр., № 110, 437—438 (подпись: М. Стебницкий).
- Лорер, Н. И.: 1904, 'Из записок декабриста: (Записки моего времени, воспоминание о прошлом)', *Русское богатство*, № 3, 51—92; № 6, 49—79; № 7, 29—53.
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Кабинет диалектологии.
- Милов, Л. В.: 1994, *От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства*, Под редакцией Л. В. Милова, Москва.
- Михельсон, М. И.: 1902—1903, *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии*, С.-Петербург, т. I—II.
- Модзалевский, Б.: 1918, 'Декабрист Батеньков: Новые данные для его биографии', *Русский исторический журнал*, кн. 5, 101—153.
- Морозов, Н. А.: 1916, 'Лингвистические спектры: Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора: Стилиметрический этюд', *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, т. XX, кн. 4, 93—127.
- Немзер, А.: 1980, 'Голос услышан: [Рецензия на книгу: А. А. Илюшин, Поэзия декабриста Г. С. Батенькова, Москва 1978]', *Вопросы литературы*, № 2, 263—267.



- Неумоина, Е. Г.: 1980, 'Книга о поэте Батенькове: [Рецензия на книгу: А. А. Илюшин, Поэзия декабриста Г. С. Батенькова, Москва 1978]', *Вестник Московского университета, Серия 9, Филология*, № 3, 66—70.
- Нечкина, М. В.: 1931, *Записки декабриста Н. И. Лорера*, Под редакцией М. Н. Покровского; Приготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина, Москва.
- Нечкина, М. В.: 1976, *Восстание декабристов: Документы*, [Москва], т. XIV: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, Под редакцией М. В. Нечкиной.
- НМСП — *Новые материалы к словарю А. С. Пушкина*, Москва 1982.
- НС — *Новый словоупотребитель: Сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык: Необходимо-настолярная книга для всех сословий*, Москва 1878, [т. 1].
- Ожегов, С. И.: 1949, *Словарь русского языка*, Составил С. И. Ожегов, Москва.
- Панфилов, А. К.: 1995, 'Загадки текста, неправильно разгаданные', *Русский язык в школе*, № 6, 73—75.
- РАН — Архив Российской академии наук (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).
- РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг (С.-Петербург).
- Ронинсон, О. А.: 1990, 'Г. С. Батеньков: «Учение о слове» (1846—1863 гг.)', *Ученые записки Тартуского университета*, вып. 883, 65—76.
- СИС — *Словарь иностранных слов*, Составлен бригадой Государственного Института «Советская энциклопедия», Москва 1937.
- СИС-6 — *Словарь иностранных слов*, Издание 6-е, переработанное, Москва 1964.
- Скулачева, Т. В.: 1989, 'К вопросу о взаимодействии ритма и синтаксиса в стихотворной строке: (английский и русский четырехстопный ямб)', *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, т. 48, № 2, 156—165.
- Скулачева, Т. В.: 1996а, 'Лингвистика стиха: структура стихотворной строки', *Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика: Материалы международной конференции 19—23 июня 1995 г.*, Москва, 18—23.
- Скулачева, Т. В.: 1996б, 'Ритм и морфология: ритмика глаголов', *Русский стих: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика*, Москва, 234—244.
- Скулачева, Т. В.: 1998, 'Лингвистическая структура стихотворной строки: части речи и ритмика', *Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов, Краков, 1998 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 508—520.
- Слонимский, А.: 1918, 'Мнимые стихи Пушкина', *Книжный угол*, № 2, 4—9.
- СЛРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.*, Москва, 1989, вып. 15: (Персть — Подмышка).
- Снытко, Т. Г.: 1956, 'Г. С. Батеньков-литератор', *Литературное наследство*, Москва, т. 60: Декабристы-литераторы. II, кн. 1, 289—320.
- Сорокин, Ю. С.: 1965, *Развитие словарного состава русского литературного языка: 30—90-е годы XIX века*, Ленинград.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1957, т. II: З — Н.

- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1986, вып. 21: Негораздый — Обвива.
- СУИС — *Словарь иностранных слов* <,> наиболее употребительных в русском языке, Составлен под редакцией М. За — ского, Издание 3-е, исправленное и значительно дополненное, Киев 1893.
- СЦСРЯ — *Словарь Церковно-Славянского и Русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*, С.-Петербург 1847, т. III.
- СЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*, Ленинград 1987, вып. 3; С.-Петербург 1992, вып. 7; 1997, вып. 9.
- Топоров, В. Н.: 1995, 'Об индивидуальных образах пространства: («Феномен» Батенькова)' [1987], В. Н. Топоров, *Миф; Ритуал; Символ; Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва, 446—475.
- ТС — *Толковый словарь русского языка*, Под редакцией Д. Н. Ушакова, Москва 1934, т. I; 1938, т. II; 1939, т. III; 1940, т. IV.
- ФС — *Фразеологический словарь русского языка*, Составили Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров, Под редакцией А. И. Молоткова, Москва 1967.
- Чернов, С.: 1933, 'Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания', *Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*, Москва, т. II, 55—87.
- Чернышов, В. И.: 1935, 'Темные слова в русском языке', *Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. XLV*, Москва — Ленинград, 393—407.
- Чудинов, А. Н.: 1894, *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи*, Составлен под редакцией А. Н. Чудинова, С.-Петербург.
- Шапир, М. И.: 1990, 'Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели', Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*, Москва, 255—448.
- Шапир, М. И.: 1996, 'У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова)', *Philologica*, т. 3, № 5/7, 69—101.
- Шапир, М. И.: 1997, 'Феномен Батенькова и проблема мистификации: (Лингвостиховедческий аспект. 1—2)', *Philologica*, т. 4, № 8/10, 85—139.
- Шапир, М. И.: 1999, 'Ритм и синтаксис ломоносовской оды: (К вопросу об исторической грамматике русского стиха)', *Поэтика; История литературы; Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Москва, 55—75.
- Шпольский, Э.: 1933, 'Изотопы', *Большая советская энциклопедия*, Москва, т. 27: Зерновые — Империализм, стб. 711—713.
- Kayser, W.: 1948, *Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft*, Bern.